

ИМПЕРИЯ ОТЛИВА

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Империя отлива

«Автор»

2026

Северский А.

Империя отлива / А. Северский — «Автор», 2026

На океанической Нерее власть принадлежит тому, кто знает, где вода отступит завтра. Полевая картограф Иара Вей служит Палате часов — единственному центру, способному открывать дороги между затопляемыми поселениями. Но однажды секретный приоритет спасает имперский груз ценой дома самой Иары, а в архиве обнаруживается след старого решения, погубившего её брата. Похищенный долгий прогноз обещает катастрофу: затворы, сделавшие приливы предсказуемыми, душат живой риф Литору и приближают синхронную волну. Чтобы разрушить монополию, Иара должна открыть карты всему миру. Чтобы мир пережил свободу, ей придётся признать опасную правду: точность тоже может быть властью, а единый правильный план — новой империей. «Империя отлива» — масштабный научно-фантастический роман о цене предсказуемости, экологической ответственности и праве людей отказаться от спасения, назначенного без их согласия.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Дорога из воды	7
Глава 2. Цена точности	13
Глава 3. Карта утонувшего брата	19
Глава 4. Хор отметин	25
Глава 5. Запретный прогноз	30
Глава 6. Ныряльщик под дорогой	37
Глава 7. Суд короткого часа	44
Глава 8. Империя отвечает	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Северский

Империя отлива

От автора

На Нерее землю нельзя считать неподвижной. Дважды за долгие сутки океан отступает, обнажая гряды, отмели и проходы между островами. На несколько часов морское дно становится дорогой. По нему идут караваны, перекачивают дома, перегоняют стада, несут зерно и письма. Потом вода возвращается и стирает путь до следующего отлива. Здесь расстояние измеряют не только шагами, но и временем, оставшимся до прилива.

Жизнь в таком мире требует точности. Ошибка в несколько минут способна оставить путника посреди поднимающейся воды, лишит поселение припасов или разорвать торговую цепь между городами. Поэтому тот, кто умеет предсказывать окна суши, получает больше, чем уважение к ремеслу. Он решает, какая дорога будет открыта, чей груз пройдет первым, кого успеют вывезти, а кому придется ждать следующего цикла. Карта превращается в приказ, расписание — в границу, прогноз — во власть.

Эта книга родилась из вопроса: сколько свободы мы готовы отдать в обмен на предсказуемость? Удобно верить, что несправедливая система держится лишь на жадности или жестокости её хозяев. Гораздо труднее признать, что она может выполнять необходимую работу: соединять города, предупреждать голод, удерживать сложный мир от мгновенного распада. Тогда борьба с ней перестаёт быть простым выбором между добром и злом. Освободить дорогу недостаточно — нужно понять, кто поведёт по ней людей, кто ответит за последствия и какое право имеет один человек назначать цену для остальных.

«Империя отлива» — роман о людях, привыкших жить по чужому расписанию, и о тех, кто это расписание составляет. Их решения нельзя отделить от воды, пищи, времени и труда. Политика здесь проявляется не в отвлечённых речах, а в том, какой караван получит сухой путь, какой остров примет лишнюю волну и кто окажется на неверной стороне затвора. Даже самые точные расчёты не отменяют необходимости выбирать. Они лишь делают цену выбора видимой.

Но океан Нерее — не безучастный фон и не чудовище, которое следует победить. Под временными дорогами живёт Литора — огромный риф, медленно меняющий пористые гряды и направления потоков. Люди научились использовать его ритм, укреплять удобные проходы и отводить воду. Вместе с удобством возникла опасная иллюзия: будто живой мир обязан навсегда соответствовать нанесённой на карту линии. Чем надёжнее становились дороги, тем труднее было замечать, что сама неподвижность тоже причиняет ущерб.

Главная героиня — картограф. Её работа состоит в том, чтобы превращать переменчивость в понятный маршрут. Она знает цену неточности и потому долго считает точный прогноз высшей формой заботы. Однако любая карта показывает не всё. За её краями остаются чужие потери, отложенные последствия и решения, которые составитель предпочёл назвать неизбежными. Вопрос не в том, может ли карта быть безошибочной. Вопрос в том, кто выбирает, что считать ошибкой.

Перед вами не история об избранной спасительнице и не обещание идеального порядка. В мире приливов окончательное решение подозрительно уже потому, что объявляет движение законченным. Героям придётся искать устройство, способное не только принимать верные решения, но и пересматривать их; не только защищать большинство, но и слышать тех, кто платит за общую безопасность; не только открывать дороги, но и оставлять право с них сойти.

Лучше всего читать этот роман, не пытаясь заранее определить, кто прав. Обращайте внимание на материальную цену каждого убеждения. Когда персонаж говорит о порядке, спросите, чьими руками он поддерживается. Когда говорит о свободе — кто понесёт риск. Когда обещает точность — какие данные остались за пределами расчёта. Здесь у противников могут быть веские доводы, у союзников — несовместимые цели, а правильное действие способно привести к тяжёлому результату.

Мир временной суши увеличивает знакомые нам противоречия, но не даёт готовой морали. Предсказуемость спасает жизни и одновременно закрепляет власть. Свободный путь возвращает достоинство и одновременно переносит опасность на тех, кто не выбирал перемен. Знание помогает увидеть будущее, но не освобождает от ответственности за него. Ни один из этих узлов нельзя развязать одной победой.

Океан возвращается всегда, однако берег после него уже не совсем тот. Так устроена и эта история. Она предлагает смотреть не только на момент разрушения старой системы, но и на труд, который начинается после: на переговоры, отказы, ошибки, исправления и право живого мира оставаться непредсказуемым. Возможно, устойчивость — это не способность удержать однажды найденный порядок, а умение снова и снова менять его, прежде чем он станет чьей-то клеткой.

Глава 1. Дорога из воды

За минуту до сигнала море ещё притворялось сплошным.

Вода лежала между островами тёмным металлом, только над грядой тянулась полоса мелкой дрожи. Иара Вей стояла на передней площадке головной телеги и смотрела не на воду, а на медную нить в стеклянной трубке хрономера. Нить сокращалась, отмечая последние мгновения прилива. За её спиной двенадцать грузовых платформ тяжело покачивались на шести высоких колёсах каждая. Под промасленными чехлами лежало зерно для Кадора — столько, чтобы шагающий город не остановил две восточные опоры ради экономии пайков.

— Две доли, — сказал возница Ял.

— Вижу.

— Я не тебе. Я лошадям.

Передняя упряжка нервно перебирала копытами по каменному настилу причала. Животные чувствовали отлив раньше приборов: вытягивали шеи к солёному ветру, будто под водой уже проступал запах дороги.

На соседней сигнальной башне вспыхнул белый огонь. Почти одновременно море впереди просело. Сначала из воды показались концы чёрных столбов, затем длинный округлый хребет гряды. Потоки скатывались с него в обе стороны, оставляя блестящую кожу рифового камня. Дорога возникала не от берега к горизонту, а сразу повсюду — островами, перемычками, ребристыми площадями, которые с каждой минутой соединялись друг с другом.

Иара подняла жезл.

— Первая ось. Пошли.

Ял свистнул, телега дёрнулась. Колёса сошли с причала на мокрую гряду. За первой платформой двинулась вторая, за ней остальные, и натянутые между ними сигнальные тросы запели на ветру. Сверху караван, вероятно, казался тонкой медной застёжкой на огромной чёрной ткани.

До Кадорского подъёма было шестнадцать тысяч шагов. Палата часов отвела им два часа и сорок три минуты чистой суши, ещё девять минут на безопасный запас. Иара проверяла этот расчёт всю ночь. Она знала высоту обеих лун, давление у северных островов, направление глубинного течения и даже вес груза на каждой оси. В её планшете маршрут был не линией, а множеством чисел, превращённых в цвет: зелёный коридор по гребню, жёлтые карманы для остановки, красные участки, которые вода отрежет первыми.

Она знала и то, чего на планшете не было.

В нижней рамке под официальным листом лежала вторая пластина, тонкая, как рыба чешуя. На ней Палата нанесла короткий серый ход через западное ребро. При обычном отливе тот не давал преимущества: слишком крутой спуск, слишком мягкая поверхность. Но если караван задерживался, два затвора могли на семь минут удержать воду в соседней чаше и открыть серый ход. Такие минуты не печатали в общих картах. Их оставляли зерну, лекарствам и людям с гербовой печатью.

Иара получила доступ к пластине три года назад. Через месяц после того, как её брат не получил доступа к дороге.

— Картограф! — крикнули с третьей платформы.

Она обернулась. Левое колесо шло по полосе белых рифовых бугорков, и платформу вводило к краю.

— Правее на полкорпуса. Не тормозить. Трос четыре ослабить!

Команды передали свистками назад. Караван выровнялся. Иара дождалась, пока третья платформа вернётся в колею, и только тогда позволила себе снова взглянуть на воду. Она уже отступила на сотни шагов. В мелких чашах метались серебряные рыбы; сборщики с ближай-

шего острова бежали за ними с плетёными корзинами. Дальше, на новой суше, появлялись другие караваны. Каждый держался своего цветного знака, своего коридора и своего времени.

Мир работал.

Иара всегда испытывала облегчение в первые минуты отлива. Хаос моря становился измеримым. Дороги сходились там, где должны были. Башни передавали огни без запоздания. Сотни людей, не знакомых друг с другом, двигались по единому расчёту и не мешали соседям. Кто-то называл это властью Палаты. Иара предпочитала слово «согласие».

Первый тревожный знак она заметила у отметки семь тысяч.

В центре гряды стоял мерный шест, окрашенный поперечными полосами. По расчёту вода должна была опуститься ниже третьей полосы. Она остановилась между третьей и четвёртой, подержалась там и вдруг поднялась на ширину пальца.

Иара сняла с пояса зрительную трубку.

— Замедляемся? — спросил Ял.

— Нет.

— Хорошо. Потому что сзади считают, будто мы замедляемся.

На дальнем конце каравана два погонщика махали красным полотнищем. Иара приложила трубку к глазу. Двенадцатая платформа просела правыми колёсами. Не глубоко, но вязкая рифовая крошка налипала на ободья, и каждая следующая сажень давалась упряжке тяжелее.

Она открыла планшет. Официальный лист обещал здесь твёрдый гребень. Прошлой четверти Иара сама прошла этот участок пешком и поставила знак допустимой нагрузки. Тогда риф под подошвами был плотным и звонким.

Теперь он пружинил даже под головной телегой.

— Передать двенадцатой: сбросить боковые щиты и две пустые бочки. Одиннадцатой — взять её передний трос.

— Щиты казённые.

— Зерно тоже.

Ял усмехнулся одним углом рта и засвистел сигнальщику. По цепочке к хвосту каравана побежала команда. Медные щиты с грохотом упали на гряду. Люди столкнули следом бочки, подтянули трос, и двенадцатая платформа медленно выползла из мягкой полосы.

Иара наклонилась над краем. В прозрачной воде у колёс виднелись раскрытые поры Литоры. Они напоминали тысячи маленьких ртов. Риф пропускал через себя воду там, где ещё месяц назад был почти сплошным.

— Он сдвинулся, — сказала она.

— Кто?

— Гребень.

Ял посмотрел вниз и пожал плечами.

— Камень не ходит.

— Это не камень.

Белый огонь на передней башне сменился жёлтым.

До жёлтого сигнала оставалось семнадцать минут.

Иара сверилась с хронометром, потом снова с башней. Ошибка была невозможна сразу на двух независимых нитях. Она подняла трубку и увидела на площадке башни двоих смотрителей. Один вращал барабан сигнала, второй бил ладонью по приборному шкафу, словно мог заставить показания вернуться на место.

Вода в боковых чашах уже не уходила. Она разворачивалась.

— Всем платформам прибавить ход, — приказала Иара. — Интервал сократить до трёх сажень.

— На мокрой крошке сцепятся осями.

— Через двадцать минут крошка будет под водой.

Ял перестал спорить.

Караван ускорился. Колёса загрохотали по ребристой поверхности. Грузовые чехлы хлопали, упряжки хрипели, погонщики перекрикивались. Неспешная дорога превратилась в бегство, хотя впереди по-прежнему лежала широкая полоса суши и небо оставалось ясным.

Иара считала. До Кадорского подъёма — девять тысяч шагов. При нынешней скорости — час и двенадцать минут. Если жёлтый огонь означал стандартное сокращение окна, у них оставался час. Если башня передала худший случай — сорок семь минут.

Слева от основной гряды проступил западный хребет. Серый маршрут.

Чтобы выйти на него, требовалось свернуть через мелкую чашу и послать код на два затвора. Поток замедлится, западное ребро останется сухим, караван выиграет до девяти минут. Вода, задержанная затворами, уйдёт в северный канал. Там, в сорока тысячах шагов, откроется на девять минут позже окно Вейской косы.

Иара знала расписание Вейской косы наизусть. Сегодня родное поселение должно было вывести на сушу коптильные рамы, три дома на полозьях и цистерну с пресной водой. Им требовались все сорок две минуты. Сокращение окна означало, что цистерна останется на старой стоянке ещё на один цикл. Неприятность, не бедствие.

Если расчёт северного канала не устарел вместе с её картой.

Вторая башня впереди зажгла красный огонь.

На гряде сразу изменился звук. Свистки оборвались. Люди знали значение красного: дорога закроется раньше предельного времени. На десятой платформе кто-то закричал, что надо разворачиваться.

— Никакого разворота! — крикнула Иара. — На обратном пути низкая седловина. Она уйдёт первой.

— Тогда отцепим хвост! — донеслось сзади.

Двенадцатая платформа везла не зерно, а запасные детали для опор Кадора. По правилам аварийного движения её следовало бросить. Иара видела, как двое сопровождающих уже полезли к замку сцепки.

— Замки не трогать! — Она выхватила чёрный свисток картографа и дала три резких сигнала. — Груз идёт целиком.

Ял посмотрел на неё так, будто она только что выбрала, кого утопить.

— Целиком не успеем.

— Успеем через западное ребро.

Он перевёл взгляд на серую полосу слева. Она блестела под тонким слоем воды и выглядела не дорогой, а спиной огромного животного.

— Его нет на листе.

— На твоём — нет.

Ял понял. Лицо у него стало неподвижным.

— Значит, такие дороги всё-таки существуют.

Иара не ответила. Она вытащила из-под рамки вторую пластину и совместила её с картой. Серые точки легли поверх чаши. На краю планшета появились два кода затворов. Каждый состоял из четырёх положений сигнального диска.

— Передай башне Клин: приоритет зерна, код семь-три-один-девять. Башне Северной Чаши: два-один-восемь-четыре.

Сигнальщик на второй платформе замешкался.

— У нас нет приоритетной печати.

Иара сняла с шеи медный знак Палаты. На одной стороне был выбит её номер, на другой — рельефная дуга, разрешавшая полевому картографу менять маршрут ради имперского груза.

— Теперь есть.

Знак понесли назад к световому аппарату. Через полминуты над караваном вспыхнула первая последовательность. Башня Клин ответила не сразу. Иара успела услышать, как вода зашипела в порах гряды. Потом на башне мигнули четыре подтверждающих огня.

Где-то под поверхностью дрогнули створки. Северный поток изменил направление.

— Левый поворот! — скомандовала Иара. — По моему колесу. Интервал не рвать.

Головная телега сошла с официальной дороги.

Западное ребро оказалось уже, чем обещала тайная карта. Справа вода стекала в глубокий канал; слева под тонкой плёнкой шевелились светлые ленты живого рифа. Колёса приходилось ставить точно в две естественные борозды. Любое отклонение сбросило бы платформу с хребта.

Ял больше не шутил. Он вёл упряжку стоя, обеими руками натянув вожжи. Иара шла рядом по самому краю и подавала ему знаки: ладонь вправо, два пальца прямо, кулак — медленнее. Остальные телеги повторяли изгиб первой. Караван вытянулся по ребру, тяжёлый и беззащитный.

В середине перехода Северная Чаша ответила отказом.

На башне загорелись два синих огня: местный предел превышен. Второй затвор нельзя было закрывать без разрешения диспетчера округа. Иара послала код повторно вместе со своей печатью. Ответ не изменился.

— Что это значит? — спросил Ял.

— Первый затвор держит. Второй сбрасывает.

— Сколько у нас?

Иара посмотрела на западный край. Вода уже переливалась через понижение впереди.

— Меньше, чем нужно.

Седьмая платформа качнулась. Одно колесо соскользнуло из борозды и повисло над каналом. Натяжной трос между шестой и седьмой зазвенел. Погонщики бросились к правому борту, но их вес лишь сильнее наклонил груз.

— Все налево! — крикнула Иара. — Шестой платформе не тянуть!

Люди перебежали к противоположному краю. Колесо на миг поднялось, потом ударилось о склон ребра. Платформа удержалась, но упряжка остановилась. За ней встал весь хвост.

Вода шла им навстречу двумя тонкими валами.

Иара прыгнула на седьмую платформу. Под чехлом лежали мешки с зерном, уложенные в пять рядов. Она выдернула нож из голенища и распорол крепёжную сеть.

— Что ты делаешь? — спросил старший сопровождающий.

— Перекладываю цену.

Они сбросили шесть мешков с правого края и перетащили ещё десять влево. Один мешок лопнул при падении. Зёрна рассыпались по мокрому рифу, и набежавшая вода сразу подхватила их. Иаре почудилось, будто она видит весь Кадор: длинные очереди у раздаточных окон, пустые котлы, остановленные опоры. Шесть мешков были ничем рядом с этим городом. Но у каждого мешка имелся вес, и вес приходилось называть.

Платформа вернулась в борозду.

— Пошли!

Люди толкнули колёса. Упряжка рванула. Караван снова двинулся, теперь медленнее, потому что вода закрывала ориентиры. Иара шла впереди по колено в потоке и нащупывала жезлом край твёрдой поверхности. Гребень под ногами содрогался короткими мягкими толчками. Литора открывала поры, принимая новый поток. Или пыталась уйти от него.

На последней четверти ребра вода поднялась до осей. Лошади захрипели и сбились. Ял ударил ладонью по борту, возвращая им ритм.

— Смотри на меня! — кричал он передней паре. — Не на воду. Дорога там, где я!

Иара подумала, что так могла бы говорить сама Палата.

Впереди показался Кадорский подъём — наклонная решётчатая эстакада, уходившая к высокой островной площадке. На ней ждали буксирные команды. Они уже спустили канаты, но не могли протянуть их через поток.

Между концом серого ребра и подъёмом оставалось тридцать шагов низкой седловины. Вода над ней бурлила до пояса.

— Первые платформы пройдут, — сказал Ял. — Хвост нет.

Иара снова открыла планшет. Ни одна из двух карт не предлагала решения. Она посмотрела на натяжные тросы, соединявшие платформы. Если головные телеги войдут на подъём и буксиры потянут их вверх, весь караван можно вытянуть через седловину одной цепью. Для этого нельзя было сохранять безопасные интервалы. Платформы столкнутся буферами, оси примут лишнюю нагрузку, но груз останется вместе.

— Сцепить тросы на короткие петли, — приказала она. — Передать подъёму: тянуть непрерывно, пока не выйдет двенадцатая.

— Если порвётся хотя бы один...

— Тогда отцепим всё позади разрыва. Но не раньше.

Ял коротко кивнул. Это был не знак согласия, а признание, что другого расчёта нет.

Головная телега вошла в седловину. Поток ударил сбоку, лошади поплыли, но канаты натянулись и повлекли платформу к решётке. Колёса нашли нижнюю перекладину. Вторая телега налетела на первую, буферы столкнулись с таким звуком, будто раскололась гряда. Потом третья толкнула вторую. Караван сжался в тяжёлую движущуюся связку.

Иара осталась у седловины. Она считала платформы и следила за тросами.

Пятая. Шестая. Седьмая с перекошенным колесом.

Восьмая вошла в поток боком, но выправилась.

Девятая.

На десятой лопнул один из верхних крепежей. Чехол распахнулся, мешки качнулись к воде. Сопровождающая — совсем молодая женщина с красной косынкой — легла поперёк груза и удержала сеть собственным весом. Иара прыгнула к ней, завязала оборванный конец вокруг стойки. Вода била по рукам, пальцы не слушались. Узел получился грубым, неуставным, но выдержал.

Одиннадцатая.

Двенадцатая платформа с деталями для опор вошла в седловину, когда гряда под ней уже исчезла. На мгновение она стала баржей без корпуса. Передний трос натянулся до белизны. Задние колёса снесло, платформа развернулась поперёк потока.

— Руби сцепку! — закричал сопровождающий с подъёма.

Иара увидела запасные шарниры под чехлами. Без них Кадор не сможет вовремя пере-ставить восточную опору. Город задержится на истончённой гряде, и тогда зерно, которое они спасали, окажется заперто вместе с ним.

Она вошла в воду, ухватила за боковой поручень и полезла к задней оси. Ял оказался рядом, хотя она не звала его. Вместе они перебросили свободный буксирный канат через стойку платформы. На подъёме люди подхватили конец.

— Тянуть справа! — крикнула Иара. — Не вверх, вправо!

Канат натянулся. Платформа перестала разворачиваться. Передний трос потащил её к решётке, правый повернул по течению. Заднее колесо ударило о нижнюю перекладину, подпрыгнуло и встало на настил.

Последняя платформа вышла из воды.

На площадке Кадора никто не приветствовал караван. Люди падали рядом с колёсами, обнимали мокрые шеи лошадей, проверяли тросы и пересчитывали мешки. Под ними море уже скрыло западное ребро. От дороги не осталось ничего, кроме двух башен, торчавших из воды.

Иара поднялась последней. Колени дрожали так, что ей пришлось держаться за решётку. Ял сел прямо на настил и вылил воду из сапога.

— Девять минут, — сказал он.

— Что?

— Вот сколько стоит тайная дорога? Девять минут?

— Сегодня — один караван.

— Нет. Караван стоил зерно, щиты, лошадей и наши шкуры. А дорога стоила девять минут у кого-то другого.

Иара сняла с планшета серую пластину. По её краю мигала свежая служебная отметка: приоритет выполнен. Ниже должна была появиться запись о перераспределённом окне. Она ждала сухой формулировки — «Северный канал, задержка девять минут».

Вместо неё высветилось: «Вейская коса. Выход отменён. Затворный отклик вне расчёта».

Она перечитала строку дважды.

— Что там? — спросил Ял.

Иара не ответила. Под отметкой разворачивалось полевое донесение. Северная вода пришла не на девять минут позже. Из-за изменившейся пористости Литоры поток задержался, затем ворвался в канал одной волной. Поселение успело вернуть людей на плавучие настилы, но цистерна и три дома остались на гряде. Следующее окно не подтверждено.

В конце стояло требование Палаты: сохранить обстоятельства применения приоритета в тайне до разбора.

Ял поднялся и заглянул ей через плечо. Иара могла закрыть пластину. Не закрыла.

— Вейская, — медленно прочитал он. — Ты ведь оттуда.

На нижней площадке распарывали первый зерновой чехол. Сухие мешки передавали в склад по живой цепи. Кадор получил свой груз. Двенадцатая платформа привезла все шарниры. Ни один человек не погиб.

Иара держала в руках доказательство безупречно выполненной задачи и смотрела, как рядом с её именем появляется цена.

Глава 2. Цена точности

К полудню Кадор поднялся ещё на два звена опор, и море под разгрузочной площадкой превратилось в далёкую тёмную мостовую. Город не стоял на острове — он сам назначал себе высоту над водой. Медные колени его опор поочерёдно выходили из пены, складывались и цеплялись за следующую гряду. Каждый шаг отзывался в настиле долгим гулом.

Иара слышала этот гул даже в комнате связи.

Перед ней на стойке горела белая рамка вызова Палаты часов. Внутри рамки всё ещё не было лица диспетчера, только надпись: «Запрос принят. Очередность — шестнадцатая».

— Они считают зерновые мешки быстрее, чем отвечают людям, — сказал Ял.

Он стоял у двери, хотя внутрь его не приглашали. Мокрую куртку он сменил на кадорскую рабочую накидку, слишком короткую в рукавах. На щеке темнела полоса рифовой пыли. Иара трижды просила его идти к караванному начальнику и трижды получала один ответ: головной возница обязан присутствовать при разборе изменения маршрута.

Формально он был прав. Практически Иара хотела остаться одна хотя бы на те минуты, в которые решалась судьба её дома.

На соседней стойке лежала ведомость разгрузки. Двенадцать платформ прибыли. Потеряно шесть мешков зерна. Повреждены два буфера, одна ось и крепёжная сеть. Людей и упряжек не потеряно. Для Палаты это была успешная проводка с допустимым ущербом.

Иара снова вызвала Вейскую косу. Вместо изображения над стойкой возникла рябь, затем голос, исковерканный дальним отражателем:

— ...слышим Кадор... говорить коротко...

— Вейская, это Иара. Назовите ущерб и положение людей.

Помеха протянулась, как треск рвущейся ткани.

— Люди на настилах. Раненых нет. Цистерна ушла ниже метки... два дома сорвало... третий держится на якоре. Запас пресной воды — одиннадцать дней при половинной норме.

Иара положила пальцы на край стойки.

— Следующее окно?

— Палата сняла подтверждение. Местная песня даёт выход через семь суток, но ширины для домов не обещает.

Голос принадлежал Лесу Вею, старшему двоюродному брату её отца. В детстве он учил Иару отличать дрожь настила от удара глубинной волны. Сейчас он говорил с ней как с чужим картографом.

— Я потребовала аварийную цистерну из Кадора и плавучий буксир, — сказала Иара. — Город получил груз благодаря изменению маршрута. Компенсация должна быть первой очереди.

— Благодаря изменению маршрута, — повторил Лес.

Ял отвёл взгляд.

Иара могла сослаться на тайну разбора. Белые буквы требования ещё сохранялись на её пластине. Вместо этого она сказала:

— Я дала приоритет западному ребру. Вода ушла в ваш канал. Расчёт обещал задержку на девять минут. Литора изменила отклик, и окно закрылось полностью.

В комнате связи стало слышно, как под полом вращается зубчатая передача городской опоры.

— Значит, не море выбрало Кадор, — сказал Лес. — Ты выбрала.

— Я выбрала не утопить двенадцать платформ и людей.

— А наши дома выбрала вместо них.

Связь оборвалась прежде, чем Иара нашла ответ. На стойке осталась бледная строка расхода сигнала. Ял подошёл ближе.

— Теперь они хотя бы знают от тебя.

— Им от этого не прибавилось воды.

— Зато у них не отнимут ещё и правду.

Иара повернулась к нему.

— Ты думаешь, правда — это предмет, который можно выгрузить на настил и посчитать? Если Кадор откажет в буксире после моего признания, поселение получит правду вместо цистерны.

— Тогда цену назначит Кадор.

— Цену всегда назначает тот, у кого есть дорога.

Белая рамка мигнула. Очередность сменилась с шестнадцатой на первую, будто кто-то одним движением убрал пятнадцать чужих бедствий. Ял заметил это одновременно с Иарой.

— Быстро, — сказал он.

На стойке возник мужчина в тёмно-синем воротнике без знаков должности. Севран Орн никогда не носил регентскую цепь во время рабочих сеансов. Иара видела его прежде только на общих передачах: сухое лицо, седина у висков, неподвижный взгляд человека, которому докладывают числа раньше имён.

— Картограф Вей, — произнёс он. — Подтвердите, что помещение закрыто.

— Здесь свидетель каравана Ял Сен.

— Свидетель должен выйти.

Ял не двинулся.

— Он видел пластину и применение серого маршрута, — сказала Иара. — Его удаление ничего не закроет.

Севран посмотрел чуть в сторону, вероятно, читая строку донесения.

— Тогда он останется под вашим обязательством о неразглашении.

— Я такого обязательства не давал, — сказал Ял.

— Сейчас речь не с вами.

— А дорога была подо мной.

Севран снова перевёл взгляд на Иару.

— Ваш возница полезен в воде. Для разговора он менее пригоден.

— Он останется, — сказала Иара.

Несколько секунд рамка тихо шипела. Регент мог отключить связь или приказать кадорской страже очистить комнату. Он не сделал ни того ни другого.

— Хорошо. Доложите причину отклонения.

Иара вывела на стойку две схемы: официальный прогноз и фактический подъём воды. Красные линии разошлись у западного ребра, затем пересеклись в северном канале.

— Пористость гряды изменилась после составления последней полевой карты. Первый затвор удержал поток, второй отказал по местному пределу. Литора приняла воду медленнее расчёта, а затем сбросила её единым фронтом. Серое окно сократилось, Вейское было отменено.

— Ошибка измерения?

— Нет. Измерение было верным в день съёмки.

— Ошибка прогноза?

— Прогноз не учитывает скорость изменения пористости.

— Это длинная форма слова «ошибка», картограф.

— Это другая причина. Если назвать её локальной ошибкой, остальные карты останутся прежними.

Севран сложил руки перед собой.

— В Кадоре сегодня пятьдесят две тысячи жителей. Без доставленного зерна запас полной нормы закончился бы через девять дней. Без шарниров город не переставил бы восточную опору до следующего сложного прилива. Вы спасли не имущество, а связность узла, от которого зависят ещё четыре поселения.

— Вейская коса лишилась воды и домов.

— Люди живы?

— Да.

— Значит, ваш выбор был верным.

— Верным для кого?

— Для большего числа людей.

Ял тихо усмехнулся. Севран услышал.

— Вы хотите что-то добавить, возница?

— Если бы её дом оказался на платформе, а ваше зерно — на косе, число было бы тем же?

— Число не имеет дома.

— Его считает человек, у которого дом стоит высоко.

Регент не рассердился. Это было хуже: он принял слова Яла как шум, который предусмотрен конструкцией.

— Кадор отправит Вейской косе две малые цистерны и буксир, — сказал он. — Не как возмещение за применение приоритета. Как помощь после непредвиденного затворного отклика.

— Три дома, большая цистерна, утраченное окно и расходы на перенос стоянки, — перечислила Иара. — Поселение должно получить право первого выхода на двух следующих безопасных циклах.

— Право первого выхода заставит ждать северные фермы.

— Сегодня ждал мой дом.

— Сегодня ваш дом принял воду, потому что иначе её принял бы Кадорский подъём. Вы просите не компенсацию. Вы просите перенести ущерб на людей, которых не видите.

Иара замолчала. Он вернул ей её же расчёт, только очистил его от лиц.

— Тогда дайте им место в очереди, которое не отнимает подтверждённое окно, — сказала она. — Первое новое окно, открытое после пересчёта северного канала. И материалы на три дома.

— Два дома сорваны, третий удержан.

— Третий простоял под ударом волны. Его нельзя считать целым по одному якорному сигналу.

Севран коснулся чего-то вне поля зрения. На стойке появилась медная строка распоряжения: две цистерны, буксир, строительные секции для трёх домов, первоочередное рассмотрение нового окна без смещения подтверждённых маршрутов.

— Этого достаточно для вашего официального требования? — спросил он.

— Для требования — да. Для объяснения — нет.

— Объяснение я и хотел обсудить.

Схемы исчезли. Вместо них возник черновик полевого заключения. Иара прочитала вслух:

— «Локальное несовпадение рифовой проводимости с последней съёмкой вызвало преждевременное закрытие основного и резервного маршрутов. Картограф применила аварийный порядок перераспределения в пределах полномочий. Сведения о внутренних кодах маршрутизации разглашению не подлежат». Вы называете серый приоритет аварийным порядком.

— Он и есть аварийный порядок.

— Нет. Аварийный порядок выбирает между способами спасения каравана. Серый приоритет заранее выбирает между караваном и чужим окном. Вейская коса не знала, что её выход можно отменить одним кодом.

— Если бы все поселения знали расположение резервных гряд и вес приоритетов, каждое требовало бы собственного исключения. Затворы получили бы несовместимые команды прежде, чем караваны вышли на сушу.

— Значит, люди соблюдают расписание, потому что не знают правил.

— Люди соблюдают расписание, потому что вода не ведёт переговоров.

Он говорил без нажима. За его спиной не было ни трона, ни герба, только стена с рядами узких ячеек. В каждой, вероятно, лежало такое же решение: кому выйти, кому ждать, где назвать потерю ошибкой, чтобы не разрушить доверие к следующему сигналу.

— Я не подпишу ложь, — сказала Иара.

— В тексте нет ложных данных.

— В нём нет главного данным. Кадор спасён ценой заранее назначенной окраины.

— Вейская коса не была назначена. Северный канал был единственной областью, способной принять перераспределённый объём без расчётной гибели людей.

— Они должны были это знать.

— Когда? До выхода, чтобы отказаться и оставить Кадор без груза? Во время прилива, чтобы вы торговались по связи, пока платформы уходят под воду? Или после — как сейчас, когда вы можете добиться возмещения без новых погибших?

Каждый вопрос имел ответ, но ни один не помещался в оставшиеся минуты на западном ребре. Иара ненавидела это сильнее всего: Севран не отрицал цену. Он лишь считал право назвать её ещё одной угрозой, которой тоже требовалось управление.

— Вы подняли мой вызов с шестнадцатого места, — сказала она. — Почему?

— Потому что полевой картограф, способный сохранить весь караван при двойном отказе, не должен ждать за заявками на испорченные створки.

— Из-за моей команды три дома оказались в воде.

— Из-за вашей команды пятьдесят две тысячи человек получили время. Ошибку карты исправит любой старательный съёмщик. Решение под неполными данными принимает не любой.

На стойке открылась вторая строка распоряжения. Назначение: старший картограф особых циклов. Место службы: центральный расчётный ярус Палаты. Уровень доступа: полный полевой, затворный и архивный. Срок вступления: немедленно после кадорского разбора.

Ял подошёл к стойке и прочёл через плечо Иары.

— Вот и цена, — сказал он.

Севран не стал притворяться, будто не понимает.

— Это предложение, не награда за молчание. Картограф Вей первой заметила изменение Литоры, которое наши действующие модели не описывают. Ей нужны полные ряды наблюдений.

— А вам нужна её подпись, — сказал Ял.

— Мне нужно, чтобы следующий караван не оказался в воде.

Иара смотрела на слова «полный архивный». Там должны были храниться исходные съёмки, журналы изменения пористости, отказы местных пределов, все случаи, когда задержка в одном канале становилась волной в другом. И старые перераспределения тоже.

В том числе день гибели её брата.

— Если я приму назначение, — сказала она, — мне откроют не только текущие карты?

Севран задержал ответ на долю секунды.

— Вам откроют всё, что относится к особым циклам и оценке связности.

— Журналы приоритетов?

— В пределах порученной проверки.

— Исходные правки прогнозов?

— Если обоснуете запрос.

Это не было полным «да». Но прежняя Иара отдала бы годы службы за половину такого доступа.

— А заключение? — спросила она.

— Вы подтверждаете фактическую часть. Формулировка о внутренних кодах остаётся. На открытом разборе вы не обсуждаете устройство приоритетов. Несовпадение пористости называете локальным до завершения проверки.

— Даже если оно не локальное?

— Если найдёте системное изменение, представите доказательства. Тогда объяснение будет изменено.

— После того как все поверят первому.

— До доказательств существует только первое.

Связь с Вейской косой снова мигнула на боковом поле. Пришло короткое подтверждение от Леса: кадорский буксир принят, цистерны выйдут в течение часа. Ни благодарности, ни ответа на признание Иары.

Она могла отказаться. Тогда публично скажет о серой дороге, Палата назовёт её картографом, нарушившим тайну после собственной ошибки, а Кадор покажет спасённые платформы. Ял ей поверит. Возможно, Лес тоже. Но закрытые карты останутся у Севрана, и следующая изменившаяся гряда снова станет локальной ошибкой.

Если она согласится, получит ключ к причинам. И станет человеком, которому Палата заплатила в тот же день, когда её решение затопило дома земляков.

— Я внесу поправку, — сказала Иара. — «Причина изменения пористости не установлена; вывод о локальном характере предварительный». Без неё не подпишу.

Севран прочёл предложенную строку.

— Принимается.

— Распоряжение о компенсации исполняется независимо от моего назначения.

— Оно уже исполняется.

— И свидетель не даёт обязательства молчать о цене Вейской косы.

— Он не разглашает коды и расположение серого ребра. О потерях поселения может говорить что угодно.

Ял покачал головой.

— Щедро. Можно рассказывать о воде, пока нельзя сказать, кто открыл затвор.

Иара приложила медный знак к стойке. Система показала два поля: заключение и назначение. Она подписала оба.

Севран кивнул так, словно завершил обычное распределение груза.

— Через шесть часов за вами придёт служебная платформа. До этого передайте кадорскому съёмщику фактическую карту западного ребра. И отдохните. В центральном ярусе усталость считается причиной ошибки, а не оправданием.

Рамка погасла.

Ял молчал, пока стойка не выдала две тонкие медные копии. Одну Иара убрала в планшет. Вторую протянула ему: в ней были условия его допуска к разбору, без запрета говорить о Вейской косе.

Он не взял.

— Ты сказала им правду, — произнёс он. — А потом подписала их слова.

— Я добавила, что причина не установлена.

— Поселения услышат «локальная». Остальное проглотит шум.

— Мне нужен архив.

— Твоим нужна вода.

— Вода уже отправлена.

— Потому что ты выторговала её вместе с собой?

Иара почувствовала, как усталость, которую она удерживала со времени подъёма, возвращается в холод.

— Потому что я не позволила назвать три дома допустимым ущербом.

— И позволила назвать допустимым правило, по которому их выбрали.

Он всё-таки взял пластину, сложил пополам и сунул за пояс.

— На гряде я думал, что ты показываешь нам тайную дорогу, — сказал Ял. — Оказыва-
ется, дорога показывала тебя.

Он вышел.

Через открытую дверь Иара увидела край разгрузочной площади. Кадорцы раскатывали новый шарнир к восточной опоре. Далеко внизу, между городскими ногами, море уже готовило следующую сушу. На поверхности проступали светлые дуги Литоры — не там, где они были нанесены на официальной карте.

Иара увеличила изображение, зафиксировала время и координаты. Потом наложила вчерашнюю съёмку. Светлая дуга сместилась на семь саженей.

В заключении это называлось локальным несовпадением.

В её новом назначении — областью доступа.

Для Вейской косы оно было тремя домами в воде.

Иара сохранила снимок в личной памяти, отдельно от кадорского разбора. Через шесть часов она поднимется на служебную платформу Палаты, и Ял, вероятно, расскажет всем, что её купили полными картами. Он будет прав в том, что увидел.

Но если цена входа в закрытый архив — потеря доверия тех, ради кого она хотела его открыть, Иара решила заплатить её сейчас, пока ещё помнила: долг не исчезает оттого, что назван повышением.

Глава 3. Карта утонувшего брата

Служебная платформа пришла за Иарой на исходе шестого часа — точно тогда, когда Кадор переставлял восточную опору и весь город вздрагивал от крыши до нижних настилов.

Иара не спала. Она успела передать съёмщику фактическую карту западного ребра, проверить ведомость помощи Вейской косе и трижды открыть сообщение Леса, состоявшее из двух слов: «Цистерны видим». Ответить было нечем. Вода шла к поселению не быстрее оттого, что она смотрела на отметку буксира.

Платформа Палаты отличалась от караванных отсутствием груза. Узкий закрытый кузов, четыре высокие ноги, кабина без возницы. На медной двери светилось её новое назначение. Когда Иара приложила знак, имя разделилось на две строки: прежний допуск погас, новый загорелся белым.

Старший картограф особых циклов.

Должность ещё не стала её работой, но уже стала ключом.

Платформа оттолкнулась от Кадора и пошла по гряде, которую море только начинало возвращать. Внизу между чёрными выступами тянулись перламутровые нити Литоры. Они мерцали под тонкой водой и изгибались не по линиям вчерашней карты. Иара приложила ладонь к стеклу, отмечая смещение на глаз, потом заставила себя убрать руку. Личное наблюдение лежало в планшете. Если она внесёт его в служебную сеть до того, как поймёт правила доступа, снимок перестанет принадлежать ей.

Центральный расчётный ярус Палаты не стоял на земле. Он висел между шестью башнями на толстых подвесах, выше предельной воды, а под ним сходились каналы затворов. Снизу здание походило на неподвижную тень, пришитую к небу. Сотни дорог менялись дважды за длинные сутки; Палата не меняла положения никогда.

На входе Иара ожидала досмотра. Вместо стражи её встретила женщина в сером переднике и попросила назвать цель посещения.

- Принять назначение и получить журналы особых циклов.
- Назначение уже принято. Цель запроса?
- Проверка изменения пористости западного ребра Литоры.
- Это цель дела. Цель посещения?

Иара посмотрела на неё внимательнее. На переднике не было знака должности, только вышитая у горла сетка мелких квадратов.

- Понять, какие данные мне доступны.
- Тогда начнёте с различия между доступностью и основанием. Я Нера Соль, хранильница следов. Идите за мной.

Внутри не было огромного зала с картами, который Иара представляла с детства. Узкие переходы окружали шахту, заполненную рядами медных барабанов. По их поверхности ползли световые точки. Каждый поворот затвора, каждый изменённый прогноз, каждое выданное окно оставляли на металле насечку, но сами решения хранились в ячейках за стенами. Архив напоминал не память, а машину, которая не позволяла забыть, что память когда-то меняли.

Нера провела её в комнату с тремя пустыми стойками.

— Полный архивный доступ не означает, что вы можете читать всё подряд, — сказала она. — Он означает, что система не скроет от вас существование записи. Содержание откроется по основанию, указанному в назначении. Запросы тоже остаются в следе.

- Кто видит след моих запросов?
- Я. Надзорный расчётчик. Регент, если запрос касается решения его уровня. Вы сами, пока у вас есть допуск.

Последняя оговорка прозвучала без угрозы. Тем хуже.

Нера положила на стойку две пластины. На одной было выгравировано «ИЗМЕРЕНИЕ», на другой — «РЕШЕНИЕ».

— В поле их часто смешивают, — сказала она. — Здесь за это лишают допуска. Измерение отвечает, где была вода. Прогноз — где она будет. Решение — кому разрешили идти. Никогда не исправляйте одно через другое.

— Но прогнозы исправляют.

— Создают новую версию. Старая остаётся. Если не остаётся, это не исправление, а нарушение следа.

Иара почувствовала, как усталость отступает, освобождая место для старого, слишком знакомого напряжения.

— Покажите мне след западного ребра.

Она ввела координаты вчерашней дуги, время съёмки и номер кадрорского разбора. Стойка открыла семь слоёв. Полевые отметки Иары легли поверх данных затворов; рядом появился официальный прогноз, затем предварительное заключение. Между ними светилась тонкая пустая полоса.

— Здесь нет модели пористости, — сказала Иара.

— Есть. Содержание ограничено делом долгого цикла.

— Я назначена на особые циклы.

— Особый и долгий — разные основания.

— Севран обещал полные ряды наблюдений.

— И вы их видите. Модель — не наблюдение.

Нера говорила так, будто объясняла направление лестницы. Иара приблизила пустую полосу. Система показала идентификатор закрытого расчёта и перечень использованных рядов. Среди них были старые съёмки северного канала, журнал местных пределов и ещё одна запись: «сопоставимый случай, коса Вей, цикл 18-44».

Дата гибели брата.

Иара не произнесла её вслух. Числа и без того прозвучали в комнате голосом, который она помнила хуже с каждым годом.

Арен был старше на четыре года и единственный в семье умел смеяться перед возвращающейся водой. В тот день он вёл две жилые платформы через восточную перемычку. Окно было подтверждено Палатой. Потом сигнал изменился. Официальное сообщение говорило о непредвиденном встречном течении, задержке выхода и ошибке местного наблюдателя. Тело Арена нашли через три дня в сетях под старой грядой. Из двадцати семи человек не вернулись пятеро.

Иара стала картографом, потому что точная карта казалась единственным ответом, который вода не могла исказить.

— Откройте сопоставимый случай, — сказала она.

Стойка запросила основание.

«Проверка причин изменения пористости». Иара подтвердила. Появилась схема косы Вей девятилетней давности. Она знала её изгибы наизусть: восточная перемычка, две стоянки, колодезная складка. Исходное окно обозначалось зелёным и длилось час и семь минут. Жилые платформы должны были выйти за сорок две.

Поверх карты легла вторая версия прогноза. Зелёная полоса сократилась до двадцати девяти минут.

— Это не тот прогноз, который получили на косе, — сказала Иара.

— Возможно. Я не была хранительницей этого дела.

— У нас было подтверждение на час и семь.

— Архив показывает то же. Смотрите выдачу отдельно от расчёта.

Иара открыла журнал сигналов. Вейская коса получила первое подтверждение за четыре часа до отлива. За сорок одну минуту до выхода Палата создала новую версию, но поселению её не отправила. Вместо неё ушёл приказ задержать движение из-за встречного течения. Сигнал был принят уже после того, как платформы вышли на перемычку.

— Почему новую версию скрыли?

— Вопрос причины относится к решению.

— Открыть решение.

Система отказала. На стойке возникли три строки: «личная заинтересованность», «несоответствие основания», «требуется надзорное подтверждение».

Нера не отвела взгляда.

— Архив знает ваше родство.

— Архив не знает, зачем я спрашиваю.

— Поэтому он показывает причину отказа, а не назначает вам намерение.

— Западное ребро признано сопоставимым самым расчётом. Мне необходимо знать, какое решение изменило нагрузку на риф тогда.

— Это уже лучше. Сформулируйте без брата.

Иара стёрла запрос и написала: «Для проверки повторяемости пористого отклика требуется установить источник перераспределённого объёма и параметры нагрузки в сопоставимом цикле 18-44».

Нера прочла, приложила свою пластину и не подтвердила, а переслала запрос надзорному расчётчику.

— Сколько ждать?

— От минуты до трёх суток.

— Прилив не ждёт трое суток.

— Поэтому полевой доступ открывает текущие затворы без надзора. Архив никого не топит в настоящем времени.

Иара посмотрела на карту. Пять человек на ней были всё ещё живы, потому что измерение не умело двигаться дальше.

— Ошибаетесь, — сказала она.

Она вернулась к западному ребру. Если решение закрыто, его последствия должны были остаться в разрешённых рядах. Пустая полоса модели ссылаясь не только на случай Вей, но и на журнал местных пределов. Иара поставила рядом два цикла: сегодняшний и девятилетней давности.

Сегодня серый приоритет удержал воду у западного ребра и направил её в северный канал. Тогда изменение началось у столичного створа, в трёхстах саженях от восточной перемычки. Объём был меньше, зато удержание длилось дольше. На официальной карте встречное течение выглядело природным. В затворном журнале оно имело точное время начала — сразу после команды из Палаты.

Иара открыла команду. Содержание решения оставалось закрытым, но техническая квитанция была частью наблюдения: створ принял код, поднялся на четыре деления, удерживал поток одиннадцать минут и сбросил его в сторону Вейской косы.

— Значит, встречное течение создали вы, — сказала она.

— Не я, — ответила Нера.

— Палата.

— Это подтверждает действие затвора. Не цель.

Иара уже искала дальше. У всякой команды был получатель выгоды, даже если его имя скрывали. После подъёма столичного створа открылось окно на внутренней гряде. По нему прошёл груз. Реестр караванов не относился к решению и был доступен старшему картографу:

тридцать две платформы зерна, пункт отправления — Островные житницы, пункт назначения — столичный подъём.

Время допуска совпадало с минутой сокращения окна Вейской косы.

На стойке возникло сообщение: надзорное подтверждение получено.

Решение открылось не текстом, а весами. Слева Палата рассчитала Вейскую косу: две жилые платформы, двадцать семь человек, вероятность неуспешного возврата после задержки — одна пятая, ожидаемая гибель — от четырёх до семи человек. Справа стояла столица: тридцать две зерновые платформы, восемьдесят один сопровождающий, потеря груза при пропуске окна — семь десятых, сокращение городского запаса ниже нормы, ожидаемый рост смертности в бедных ярусах при следующем сложном приливе — от девяноста до двухсот сорока.

Обе цены были рассчитаны до команды.

Иара прочла числа ещё раз. В детстве ей говорили, что Арена погубила вода. Позже — ошибка наблюдателя. На обучении — редкое встречное течение, которое старые модели не различали. Всё это позволяло представить смерть как провал знания. Но Палата знала достаточно. Она посчитала пять жизней на косе и сотни возможных жизней в столице, затем выбрала.

Под таблицей стояла строка: «Без уведомления периферийного выхода до закрепления столичного маршрута: риск встречных команд». Ещё ниже — подписи трёх расчётчиков и идентификатор утверждения регентского уровня.

Имени не было. Только знак должности и номер: Р-7-1844.

— Кто занимал регентский уровень девять лет назад? — спросила Иара.

— Архив должностей открыт в общей стойке.

— Вы знаете.

— Знаю. Но если отвечу, в следе останется моё слово, а не ваш запрос.

Иара открыла список назначений. Девять лет назад Севран Орн ещё не был регентом. Он занимал должность второго распорядителя связности и имел право утверждать перераспределение, если первый отсутствовал. В день цикла 18-44 первый распорядитель находился на южном разборе. Под идентификатором Р-7 стоял временный ключ Севрана.

Она не почувствовала торжества. Торжество принадлежало бы простой правде: злой человек убил Арена ради зерна. Архив показывал правду хуже. Если бы груз не прошёл, люди в нижних ярусах столицы действительно могли погибнуть. Севран не спрятал цену от себя. Он спрятал её от тех, кто её заплатил.

— Почему после этого случай назвали ошибкой наблюдателя?

Нера указала на пластину «РЕШЕНИЕ».

— Откройте послеразборный слой.

Там расчёт продолжался уже после гибели. Реальная цена Вейской косы — пять погибших, две утраченные платформы, повреждение колодезной складки — была внесена полностью. Столичный груз прибыл без потерь. Через три дня составили два заключения. Закрытое признавало, что задержка была следствием приоритета. Открытое объясняло её ошибкой местной отметки и необычным течением.

К открытому заключению приложили предписание заменить наблюдателя.

Иара знала его имя. Герен после разбора перестал выходить к общему огню. Через год ушёл с косы на дальние фермы, не попрощавшись даже с сестрой. Все считали, что он не выдержал вины.

— Он передал верную отметку, — сказала она.

— Да.

— Его наказали за решение Севрана.

— Его сняли с должности. Формулировка о наказании отсутствует.

— Вы храните ложь и называете её формулировкой.

Впервые лицо Неры изменилось.

— Я храню различие между тем, что было, и тем, что разрешили сообщить. Если уничтожить второе из стыда, никто не докажет ложь. Если заменить первое справедливой версией задним числом, никто не докажет событие.

— А если вы показываете первое только людям, которых система уже купила доступом?

— Тогда вопрос не к архиву.

— Очень удобная граница.

— Границы почти всегда удобнее для тех, кто стоит внутри.

Нера сказала это спокойно, без попытки оправдаться. Иара вспомнила Яла: число считает человек, у которого дом стоит высоко. Здесь даже совесть была разложена по отдельным пластинам.

Она вызвала команду копирования. Система предложила сохранить материалы в рабочем деле западного ребра. Личная память отсутствовала среди разрешённых получателей.

— Мне нужна выносная копия.

— Для закрытого решения она запрещена.

— Я могу процитировать его в заключении?

— После подтверждения связи случаев и только в пределах надзорного контура.

— То есть доказательство существует, пока я стою перед стойкой.

— Доказательство существует в архиве. Ваш доступ к нему может измениться.

Иара посмотрела на хранильницу.

— Вы специально это сказали?

— Я отвечаю за точность условий.

На карте светилась восточная перемилька. Пять маленьких меток остановились там, где задержанный поток пересёк путь платформ. Среди них не было имени Арена. Архив умел считать людей, не называя их.

Скопировать весь слой незаметно было невозможно: каждая выдача оставляла след. Но техническая квитанция затвора относилась к наблюдениям, а идентификатор решения уже появился в сопоставительном деле. Иара создала полевую заметку к западному ребру: «Вероятный повтор управляемого пористого отклика. Сопоставить команды удержания с последующим смещением Литеры». В качестве основания прикрепила квитанцию цикла 18-44 и номер Р-7-1844.

Система предупредила: «Вложение содержит закрытый идентификатор. Рабочее дело будет передано на проверку регентского уровня».

Если она откажется, след останется только в журнале запросов, который Севран мог закрыть вместе с её допуском. Если подтвердит, номер войдёт в текущее дело и немедленно поднимется к человеку, принявшему старое решение.

Иара приложила новый знак.

— Проверка обычно занимает до конца цикла, — сказала Нера.

— Он увидит сейчас?

— Уведомление — сейчас.

На стене за стойкой вспыхнула точка. Где-то выше по ярусу открылось дело западного ребра.

Иара выгрузила разрешённую квитанцию в планшет. В ней не было ни зерна, ни пяти погибших, ни имени Севрана — только время команды, четыре деления створа и одиннадцать минут удержания. Рядом она записала идентификатор решения, пока цифры не успели стать ещё одной закрытой областью.

Р-7-1844.

Новый допуск на её медном знаке мигнул и сменил белый цвет на жёлтый: «проверка использования».

— Вы нашли то, что искали? — спросила Нера.

Иара закрыла карту утонувшего брата.

— Нет. Я искала ошибку.

За стенами Палаты начинался отлив. По всей Нерее люди ждали сигналов, веря, что зелёная линия означает безопасную дорогу, а красная — решение воды. Иара теперь знала: иногда вода получала приказ раньше них.

Она убрала планшет и пошла к выходу прежде, чем Севран успел вызвать её наверх.

Глава 4. Хор отметин

У выхода из Палаты Иару ждали двое проверяющих.

Они не преградили ей дорогу — просто встали по обе стороны арки, где медные полосы допуска гасли одна за другой. На груди у каждого висела узкая дощечка без имени. Только должность: надзор использования. Такой же жёлтый цвет теперь горел на знаке Иары.

— Картограф Вей, — сказал левый. — Ваше дело поднято на регентский уровень. До завершения проверки запрещено выносить закрытые материалы, менять полевые записи и обращаться к сопоставительным стойкам вне Палаты.

— Разрешённая квитанция закрытым материалом не является.

— Это установит проверка.

Правый протянул ладонь к её планшету. Иара не отдала его.

Мимо арки проходили расчётчики, носильщики карт, курьеры с футлярами приливных лент. Никто не смотрел прямо, но поток людей раздвинулся, оставив вокруг троих сухой круг. В Палате умели замечать наказание, не признавая любопытства.

— Изъятие полевого планшета требует записи причины, — сказала Иара. — Запишите, что вы опасаетесь одной квитанции девятилетней давности.

Проверяющие переглянулись. Левый убрал руку.

— До вечернего колокола вы обязаны явиться в шестую комнату надзора.

— Если дорога к ней останется сухой.

Она вышла прежде, чем они придумали ответ.

Отлив уже обнажил нижние ступени столицы. Между опорами тянулись мостки, ещё час назад скрытые водой. Город менял этаж: верхние галереи пустели, на нижних открывались лавки, сушильни, конторы перевозчиков. Люди спускались вслед за сушей, и каждое движение было рассчитано Палатой — какой лестницей пользоваться, сколько груза нести, в какой миг закрыть створ.

Иара свернула не к служебному причалу, а к улице Отметин. Её старое название не значилось ни на одной официальной карте. На каменных стенах здесь сохраняли полосы прежних приливов: белые от соли, зелёные от водорослей, чёрные после бурь. Рядом вырезали даты, имена пропавших лодок и короткие строки песен. Палата считала их украшением окраины. Поселения — памятью, которую нельзя отозвать приказом.

Мейра сидела под навесом у стены, покрытой сотнями зарубок. Перед ней стояли семь чаш разной глубины. Капли падали в них из желобов и отзывались разными нотами.

— Ты поздно, — сказала она, не поднимая глаз.

— Я не назначала встречи.

— Назначила твоя походка. От Палаты до моего навеса идут либо быстро, либо оглядываясь. Ты сделала и то и другое.

Мейре было около шестидесяти, хотя вода затрудняла счёт возраста. Кожа её рук была покрыта светлыми рубцами от коралловой пыли. Такие отметины оставались у тех, кто годами собирал звук под грядками: прижимал костяные трубки к пористому рифу и слушал, как далеко внутри движется вода.

— Мне нужны песни западного ребра за последние двадцать циклов.

— Песни нужны певцам. Тебе нужны числа.

— Мне нужно направление Литоры.

Капля ударила в самую глубокую чашу. Мейра подняла голову.

— Тогда сначала снимите знак Палаты.

— Без него я не пройду обратно.

— А с ним сюда не пройдёшь.

Иара посмотрела вдоль улицы. У лестницы стоял человек в сером плаще. Может быть, ждал открытия нижней переправы. Может быть, считал её минуты.

Она отстегнула медный знак и положила на край чаши. Жёлтый огонёк отразился в воде. Мейра накрыла его глиняной крышкой.

— Теперь спрашивай как дочь косы, а не как служащая.

— Песни утверждают, что Литора смещается к восточной перемычке?

— Ни одна песня ничего не утверждает. Она помогает не погибнуть тому, кто поёт её вовремя.

Мейра провела ногтем по трём отметинам на стене. Под ними шла строка: «Два глухих удара — оставь правую воду». Иара помнила её с детства, но на Вейской косе слова звучали иначе: «оставь правый камень».

— Разница появилась семь циклов назад, — сказала Мейра. — Северные лодки стали возвращаться через камень. Южные — через воду. Если спутать версии, обе команды ведут к гибели.

— Значит, это не память. Это местная инструкция.

— Память, которая не умеет стать инструкцией, красиво хоронит людей.

Из дома за навесом вышли трое женщин и мальчик. Они не поздоровались. Одна поставила на стол плоский барабан, другая принесла связку раковин, третья — дощечки с насечками. Мальчик сел у чаш и начал переставлять их по высоте звука.

— Ты хотела хор, — сказала Мейра. — Одна певица хранит ошибку. Хор хранит расхождение.

Они начали без вступления. Мейра отбивала ладонью медленный ритм — четыре удара, пауза, ещё три. Женщины входили по очереди. Одна называла открывшиеся гряды, другая — глубину в колодцах, третья — время возвращения мелкой серебряной рыбы. Мальчик отвечал короткой строкой о цвете пены.

Иара сперва слышала только повтор. Затем заметила, что каждая новая строфа сдвигала паузу. Не произвольно: на один удар после тёплого течения, на два — после белой пены, назад — когда рыба возвращалась раньше срока.

Она достала стилус.

— Не записывай слова, — остановила Мейра. — Записывай, что заставляет их меняться.

Иара открыла чистую полевую сетку. По горизонтали положила циклы, по вертикали — признаки: рыба, пена, глубина колодцев, время оголения гряды. Ритмический сдвиг превратился в последовательность отметок. Семь циклов назад пауза ушла на восток. Четыре цикла назад вернулась. Затем снова поползла — уже быстрее.

Официальные ряды Палаты показывали миграцию Литоры на северо-восток с погрешностью в три ребра. Песенный ряд указывал восток-юго-восток и выводил живой фронт прямо к перемычке, где стояли три главных затвора столицы.

— У вас есть более старые строфы?

— Есть голоса старше меня. Но Палата объявила их непроверяемыми после перестройки затворов.

— Потому что изменились условия.

— Условия всегда меняются. Поэтому меняются песни. Ваш ряд исправляет прошлое так, будто нынешний затвор стоял там всегда.

Иара хотела возразить и не смогла. В архиве она только что видела, как открытое заключение заменило причину гибели Арена удобной версией. Здесь происходило обратное: версии оставались рядом, и расхождение нельзя было спрятать.

На улице звякнула цепь. Серый плащ у лестницы исчез. Вместо него появились двое надзорных.

Мейра продолжала отбивать ритм.

— Они за тобой?

— За знаком.

— Знаки им понятнее людей.

Надзорные остановились у границы навеса. Старшая показала дощечку.

— Проверка допуска. Картограф Вей обязана проследовать с нами.

— До вечернего колокола, — сказала Иара. — Он ещё не звучал.

— Вам запрещено обращаться к сопоставительным стойкам.

— Здесь нет стойки.

— Вы ведёте полевую запись на основании неутверждённых рядов.

Мейра оборвала песню. Тишина оказалась громче хора.

— Наши ряды утверждает тот, кто вернулся, — сказала она.

— Хранительница, не препятствуйте служебной процедуре.

— Я не препятствую. Я уточняю цену вашей точности.

Надзорная вошла под навес и сняла крышку с глиняной чаши. Жёлтый знак Иары вспыхнул.

— Ваш допуск используется вне разрешённого контура.

— Он лежит на столе.

— Знак остаётся активным независимо от положения.

Иара поняла: их привёл не человек в сером. Проверка следовала за самим допуском. Нера показала ей границу, но Иара снова решила, что может стоять внутри системы и действовать снаружи.

Надзорная протянула руку к планшету.

— Полевые записи будут опечатаны до разбора.

Иара закрыла сетку, но прежде успела увидеть последнюю линию. Песенный ряд пересекался с официальным не у восточной перемычки. Между ними оставалось расхождение в одиннадцать часов — слишком большое для ошибки слуха и слишком малое для разных циклов.

— На каком основании опечатывается наблюдение? — спросила она.

— Несанкционированное сопоставление.

— Сопоставление чего с чем?

Надзорная замолчала.

Чтобы назвать нарушение, ей требовалось признать песню рядом данных. Если назвать её обрядом, запрета не существовало. Если данными — Палата обязана была зарегистрировать источник и проверить угрозу затворам.

Иара открыла журнал и продиктовала:

— Наблюдение: коллективная приливная память улицы Отметин. Признаки — время оголения, глубина колодцев, возврат рыбы, состояние пены. Предварительное расхождение с официальным рядом — одиннадцать часов. Возможное направление миграции Литоры — восток-юго-восток. Требуется долгий расчёт.

— Прекратите запись.

— Укажите основание.

— Источник не аттестован.

— Тогда вы признаёте его источником.

Мейра усмехнулась, но петь не возобновила.

Надзорная коснулась своей дощечки. На знаке Иары жёлтый цвет сменился красным.

— Допуск приостановлен до решения шестой комнаты.

Двери Палаты, переправы для служащих, сопоставительные стойки — всё закрылось одним движением пальца. Иара ощутила не страх, а почти физическую потерю высоты. Ещё

утром она могла открыть карту половины Нереи. Теперь её право на сушу стало короче, чем текущий отлив.

— Планшет, — повторила надзорная.

Иара отдала его. Сопротивление превратило бы наблюдение в проступок, а проступок позволил бы уничтожить запись как добытую с нарушением. Надзорная приложила печать. Сетка исчезла под серым полем, но номер журнала остался виден.

Мейра тихо назвала четыре цифры. Женщины повторили их нараспев. Мальчик отбил номер по краю чаши.

— Что вы делаете? — спросил второй проверяющий.

— Запоминаем то, что вы опечатали, — ответила Мейра.

— Служебный идентификатор запрещено распространять.

— Тогда не произносите его вслух.

Надзорные увели Иару с улицы, но хор пошёл следом. Не люди — ритм. Он перескакивал от навеса к навесу, менял слова, сохранял цифры и паузы. К нижней лестнице номер её наблюдения уже пели торговцы водорослями. На следующем пролёте дети отбивали его ложками по перилам.

Палата могла закрыть стойку. Город не имел единственной стойки.

У шестой комнаты Иару посадили на каменную скамью. За стеной равномерно щёлкал счётчик затворов. До вечернего колокола оставалось сорок минут. Её планшет унесли внутрь; знак лежал на столе проверяющих красной стороной вверх.

Дверь открылась. Вышел молодой расчётчик, которого Иара видела в архиве. Он не посмотрел на неё и положил в нишу свиток для внутренней доставки. На краю свитка мелом была выведена последовательность: четыре удара, пауза, три удара.

Песня уже вошла в Палату.

За окном шестой комнаты вода отступала между опорами. На открывшемся камне люди прокладывали временную тропу верёвкой, не дожидаясь зелёного сигнала. Первый проверял дно шестом, второй повторял его жест, третий переносил узел дальше. Если камень проседал, вся цепь меняла путь. Никто не называл это картографией, но дорога возникала из множества поправок, а не из единственного приказа. Иара впервые увидела в уличном хоре тот же порядок: не древнюю истину, а способ не дать одной ошибке стать общей.

Иара закрыла глаза и восстановила сетку. Семь циклов смещения. Возврат на четыре. Ускорение после перестройки центрального затвора. Одиннадцать часов расхождения.

Это не доказывало, что песни точнее. Но позволяло проверить, где именно официальный ряд перестал следовать за рифом. Для этого требовался долгий расчёт — тот самый, доступ к которому теперь закрыли.

Из комнаты донёсся голос:

— Картограф Вей, войдите.

На столе лежали две пластины. На одной — приказ о приостановке допуска. На другой — разрешение завершить начатое сопоставление под наблюдением, чтобы установить масштаб возможной ошибки. Внизу стоял временный ключ регентского уровня.

Севран не уничтожил её след. Он включил его в собственный контур.

— Выберите основание объяснения, — сказала надзорная. — Самовольное использование неаттестованного источника или экстренная проверка угрозы трём столичным затворам.

Первое делало её виновной и сохраняло песню свободной. Второе возвращало доступ, но превращало хор в имущество Палаты.

Иара посмотрела на красный знак, затем на номер журнала. За стеной кто-то едва слышно отстукал четыре удара, выдержал паузу и добавил три.

— Экстренная проверка, — сказала она. — С условием: исходная запись остаётся за хранителями, а Палата получает только сопоставление.

— Условия устанавливает регентский уровень.

— Тогда запишите мой отказ от передачи источника. Без него расчёт будет считаться производным наблюдением, а не изъятием.

Надзорная долго смотрела на неё. Потом внесла фразу.

Знак Иары снова стал жёлтым. Не свободным — поводок просто удлинити.

Она получила доступ к долгому расчёту до конца следующего прилива. Одиннадцать часов расхождения должны были либо исчезнуть под проверкой, либо указать место, где Палата исправила движение Литоры так же, как когда-то исправила смерть Арена.

Иара взяла планшет.

На сером поле печати проступила новая строка, добавленная системой: «Сопоставление зарегистрировано. Контроль — Р-7».

Севран ждал результата.

Теперь она знала, что искать.

Глава 5. Запретный прогноз

Расчёт занимал нижний ярус Палаты. Время здесь показывали три водяных столба: они поднимались вслед двум лунам и дыханию Литоры. Когда вода достигнет медной черты, временный допуск Иары погаснет.

Надзорная привела её к круглому столу. Двенадцать канавок сходились к чаше; по ним текли растворы соли разной плотности, рождая на границах светлые нити возможных положений воды.

— Рабочее место семь, — сказала надзорная. — Исходные ряды подаются через стену. Результат сохраняется в деле автоматически.

— А промежуточные действия?

— Также.

Под пальцами Иары дрогнула насечка `P-7`: Севран выбрал стол, который помнил каждое движение.

— Мне нужна хранильница Нера Соль, — сказала Иара.

— Для вычисления храниль не требуется.

— Песенный ряд зарегистрирован как производное наблюдение. Кто-то должен подтвердить, что официальный ряд не изменён во время подачи.

— Стойка подтверждает сама себя.

— Тогда в деле останется только утверждение стойки о собственной честности. Вызовите Неру сейчас.

Иара села, не дожидаясь ответа. Планшет вернули очищенным от серой печати, но полевая сетка хора исчезла. На её месте стоял номер наблюдения. Иара отбила пальцами четыре удара, выдержала паузу, добавила три. Память вернула начало последовательности.

Стена перед ней раскрылась узкой щелью. В стол вошла первая пластина: официальный ход Литоры за двадцать циклов. Иара закрепила её в левой канавке. Справа положила чистую пластину и стала восстанавливать песенный ряд не словами, а причинами изменений: ранний возврат серебряной рыбы, горькая вода в колодцах, белая пена, задержка оголения восточных камней.

Стол потребовал привести источник к мере. Иара перевела каждый признак в проверяемое событие: возврат рыбы — в смену температуры подрифового канала, горечь — в подъём глубинной воды, пену — в разрушение молодых краёв Литоры. Песня связывала то, что Палата хранила порознь.

Одиннадцать часов расхождения не исчезли. Они распались на меньшие сдвиги: три часа в температурном ряду, два — в колодцах, почти четыре — в оголении камня. Остаток приходился на пену, для которой Палата не вела постоянного счёта.

Иара запустила первое продолжение на три цикла.

Светлые нити в чаше дрогнули. Официальный ряд повёл Литору к северо-востоку. Песенный — к столичным затворам. На втором цикле линии сблизилась, словно ошибка исправляла сама себя. На третьем пересеклись.

Иара не почувствовала облегчения. Слишком аккуратное совпадение было хуже расхождения.

Она меняла веса температуры и глубины в пределах естественной погрешности. Нить дрожала, но неизменно приходила к той же точке и в тот же час. Так вёл себя предел, вшитый в расчёт.

На краю стола загорелось предупреждение: «Отклонение от утверждённых весов».

Иара вернула веса и запросила основание их выбора. Стена выдала справку на триста строк: наблюдения, сверки, подписи. Между циклами 21-08 и 21-15 номера перескакивали через семь позиций.

Семь скрытых приложений.

Она коснулась первого пропуска. Жёлтая лента на запястье стала горячей.

«Недостаточный уровень».

К столу подошла Нера Соль. Она несла две тонкие дощечки и чашку воды, как будто её вызвали не в контролируемый расчёт, а к заболевшему человеку.

— Вы просили свидетеля неизменности ряда, — сказала она.

Надзорная осталась в трёх шагах.

— Я нашла пропуски в основаниях весов.

— Пропуски или закрытые приложения?

— Семь закрытых приложений подряд.

Нера поставила воду рядом с правой рукой Иары.

— Тогда ряд не изменён во время подачи, — произнесла она достаточно громко для надзора. — Он поступил в том виде, в каком хранится.

Тихо добавила:

— Вы спросили не то.

Она очистила чашу и разложила расчёт на три части. В первой оставила только наблюдения: вода, температура, глубина, оголение. Во второй — правила, по которым наблюдения превращались в движение Литоры. В третьей — затворные воздействия и дорожные нагрузки.

Контроль `P-7` немедленно связал части обратно.

«Разделение снижает достоверность».

— Не снижает, — сказала Иара. — Оно показывает, где появляется совпадение.

— Комментарии следует вносить в поле заключения, — напомнила надзорная.

— Это не комментарий.

Она запустила первую часть отдельно. Без утверждённых весов наблюдения давали веер возможных путей Литоры. Большинство шло к восточной перемычке. Некоторые — южнее. Ни один не совпадал с официальным северо-восточным направлением.

Во второй части веер сжимался. Именно правило превращало множество допустимых путей в один удобный.

Иара коснулась пустого места между строками. Под верхним слоем справки проступила метка: «Поправка устойчивости связности».

Не поправка точности. Устойчивости.

Расчёт заставляли сохранять дороги.

— Нера, кто имеет право вводить поправку связности в модель рифа?

— Распорядитель долгого хода после совместного заключения затворного и продовольственного кругов.

— Это измерение?

— Нет.

— Прогноз?

— Нет.

— Решение.

Нера не ответила. Надзорная сделала шаг ближе.

Иара запросила журнал решений — стол отказал. Тогда она по отдельности запросила даты, круги согласования без имён и величины поправок без объяснений. Каждый вопрос был разрешён; вместе ответы показывали форму закрытого решения.

Семь раз за последние пятнадцать циклов Палата замечала отклонение Литоры. Семь раз не меняла дорожный прогноз, а меняла вес наблюдений так, чтобы расчёт снова сохранял

главные окна. Сначала поправки были малы. Последняя превосходила допустимую погрешность вчетверо.

- Они знали, — сказала Иара.
- Кто? — спросила надзорная.
- Те, кто подписывал устойчивость.
- Вы не видите подписей.
- Мне достаточно величин.
- Величина без основания ничего не доказывает.
- Тогда откройте основание.

Надзорная промолчала.

Иара вернула в третью часть затворы и дорожную нагрузку, но не позволила модели считать постоянство дорог целью. Теперь затвор был воздействием, а не условием мира. Стол сопротивлялся: дважды сбрасывал вычисление, один раз потребовал подписи распорядителя. Иара каждый раз уменьшала задачу. Один затвор. Одна гряды. Один цикл. Результаты были слишком малы, чтобы контроль назвал их долгим прогнозом, и достаточно просты, чтобы любой полевой картограф повторил их на чашах.

Восточный затвор замедлял Литору, центральный менял пористость молодой гряды, южный обрывал подрифовый обмен при расхождении лун. Отдельно воздействия считались безопасными. Вместе они загоняли живой риф в коридор, выйти из которого он мог, лишь разрушив дороги.

Иара соединила результаты вручную.

В чаше вспыхнула широкая светлая дуга. На девятом цикле она коснулась трёх столичных затворов одновременно. После этого линии окон начали исчезать.

Сначала пропало окно у южных садов, затем два грузовых прохода между Кадором и столицей. На следующем наложении лун вода не ушла с западного ребра вовсе.

Иара изменила песенный ряд в пользу официального: исчезновение сдвинулось на полцикла, но не отменилось. Без одного затвора окна оставались; без поправки связности угроза становилась видна сразу.

Девять лет.

Не точная дата всемирного потопа. Срок, после которого существующий порядок дорог переставал быть возможным.

- Остановите расчёт, — сказала надзорная.
- На каком основании?
- Вы вышли за предел экстренной проверки трёх затворов.
- Все три затвора в расчёте.
- Вы строите неоперативный горизонт.
- Долгий расчёт существует для долгого горизонта.
- Ваш допуск выдан для определения текущего расхождения.

Иара указала на чашу.

— Вот его причина.

Надзорная потянулась к управляющей пластине. Нера опередила её и приложила одну из своих дощечек к краю стола.

— Сохранение начатого вычисления обязательно до фиксации воспроизводимости, — сказала хранительница. — Иначе архив получит результат без следа получения.

— Контрольная служба может прервать угрозу контуру.

— Тогда в журнале появится ваше решение прервать.

Рука надзорной застыла. Иара впервые увидела, как правило защищает не власть, а память о применении власти. Нера не открывала ей двери. Она делала закрытие видимым.

— Сколько нужно для воспроизводимости? — спросила надзорная.

— Один независимый повтор каждой части, — ответила Нера.

— Независимый кем?

Иара посмотрела на четырёх расчётчиков за соседними стойками. Они по-прежнему не поднимали глаз, но теперь работали слишком медленно.

— Не здесь, — сказала она.

Надзорная усмехнулась.

— Результат экстренной проверки не покинет Палату до заключения.

— Результат — нет. Проверяемые вопросы могут.

Контроль `Р-7` разрешал отправлять задания низшего уровня. Ни в одном не было полного прогноза или закрытой поправки; каждое можно было выполнить отдельно.

Иара назначила первое поручение Мейре как хранительнице зарегистрированного источника. Второе — наблюдателю Вейской косы, оставив имя пустым: Лес сам выберет того, кому доверяет. Третье — ремонтному кругу Кадора, где затворные часы сверяли по нагрузке опор. Четвёртое она адресовала Ялу: не секретный маршрут, только перечень фактических открытий гряды, которые он видел из головной телеги.

— Это распространение служебного расчёта, — сказала надзорная.

— Нет. Это запрос наблюдений.

Контроль проверил каждое поручение. На столе один за другим появлялись зелёные знаки отправки.

Последним Иара создала задание повторить семь малых расчётов без поправки связности и адресовала его открытому учебному кругу младших картографов. Не имея доступа к закрытым решениям, они могли подтвердить чистую математику.

`Р-7` отклонил поручение.

«Совокупность заданий раскрывает ограниченное заключение».

Вот где проходила настоящая граница. Не в отдельном числе, а в возможности сложить числа вместе.

Иара убрала связь с делом и отправила задачи как учебные примеры с вымышленными обозначениями гряд. Все исходные величины были открытыми; контроль пропустил их.

— Вы обходите ограничение, — сказала надзорная.

— Я проверяю результат способом, который нельзя уничтожить вместе с одной записью.

— Это и называется обходом.

— Тогда внесите это слово в журнал.

Нера опустила глаза, скрывая выражение лица.

Водяные столбы приближались к медной черте. Иара сохранила три части расчёта под разными номерами. Первая доказывала движение Литоры к восточной перемычке. Вторая — искусственность весов. Третья — девятилетний предел нынешней сети дорог. По отдельности ни одна не содержала полного вывода. Связью между ними служили вопросы, уже ушедшие людям, которые не подчинялись одному контуру Палаты.

Скопировать номера она не могла. Переписать их в личную запись — тоже. Иара попросила стол распечатать перечень документов, использованных в расчёте. Перечень вышел с семью ровными пробелами.

Она передала его Нере.

— Архив может заверить отсутствие?

— Архив заверяет наличие.

— Здесь наличие отсутствия.

— Такой меры нет.

Иара взяла чашку Неры и капнула семь раз на сухой край перечня. Бумажное волокно потемнело кругами, но текста не появилось.

— Теперь это повреждённый документ, — сказала надзорная.

— Нет, — ответила Нера. — Это семь следов воды на открытой части перечня. Содержание не изменено.

Она приложила хранительскую печать.

Семь пустот получили свидетеля.

В центральной чаше снова гасли окна суши. Если открыть весь прогноз без пути действия, поселения потребуют выключить затворы, города закроют грузы, и первым же приливом система докажет свою необходимость на телах тех, кого освобождали.

Знание не подсказывало справедливого решения. Оно только отнимало право притворяться, что времени бесконечно много.

На столе открылось поле заключения.

«Расхождение песенного и официального рядов...»

Иара могла написать: «не подтверждено». Это сохранило бы доступ и дало ей время. Могла написать: «угроза неминуема». Тогда расчёт запрут, а её выведут с нижнего яруса до следующего удара колокола.

Она внесла:

«Расхождение воспроизводится на независимых наблюдаемых признаках. Официальное совпадение достигается поправкой устойчивости связности, относящейся к решениям, а не к измерениям. При сохранении совместного действия трёх затворов существующая сеть окон суши теряет устойчивость в пределах девяти циклов года. Для определения безопасного изменения режима требуются независимые полевые повторы и раскрытие семи оснований поправки».

— Уберите срок, — сказала надзорная.

— Почему?

— Он вызовет неверное толкование.

— Тогда приложите верное.

— Распорядитель сформулирует его после проверки.

— Значит, срок остаётся до проверки.

Иара подписала заключение. Стол принял его, и в ту же секунду жёлтая лента на её запястье почернела.

Доступ закрыли.

Свет в чаше погас. Канавки опустели. Из стены вышли три пластины, уже покрытые серыми печатями. Надзорная собрала их и заперла в металлический футляр.

— Всё полученное вами относится к ограниченному контуру, — сказала она. — До решения регента вам запрещено обсуждать выводы, срок и скрытые основания.

— А отправленные наблюдения?

— Будут отозваны, где возможно.

— Где возможно, — повторила Иара.

Надзорная велела ей встать.

Нера осталась у стола. Заверенный перечень с семью водяными кругами лежал перед ней. Он принадлежал архиву и не мог быть изъят контрольной службой без отдельного решения.

Когда Иара проходила мимо, хранительница сказала обычным голосом:

— Учебный круг обязан хранить решённые задачи до конца года.

Надзорная обернулась.

— Это служебная справка?

— Правило хранения открытых материалов.

Иара не ответила. Ей было достаточно.

У выхода из нижнего яруса их ждал Севран Орн. Без свиты, в тёмном дорожном плаще, будто собирался не на заседание, а на открытую грядку. В руке он держал копию её заключения.

Значит, `Р-7` передавал ему не только действия — он получил результат прежде, чем высохли канавки стола.

— Девять лет, — сказал он.

— Вы знали о направлении.

— Я знал о расхождении моделей.

— Семь раз его прятали поправкой.

— Семь раз мы не позволили прогнозу разрушить снабжение раньше, чем разрушится риф.

— Вы исправляли не воду. Вы исправляли числа.

— А затем затворами удерживали воду в пределах этих чисел. Города продолжали есть. Поселения продолжали получать металл, лекарство и пресную воду.

— Пока Литора не упрётся в ваши затворы.

Севран посмотрел на почерневшую ленту.

— Поэтому я дал вам доступ.

— Вы дали мне поводок.

— Повёдок тоже связывает две стороны. Вы дёрнули — я пришёл.

За его спиной верхний водяной столб коснулся медной черты. По коридору прокатился низкий звон. Прилив начался.

— Откройте приложения, — сказала Иара.

— Нет.

— Тогда я буду считать, что девять лет — лучший срок, который у нас есть.

— У нас есть срок меньше.

Иара почувствовала, как холодеют ладони.

— До чего?

— До того момента, когда достаточно людей поверят вашему расчёту и начнут спасать только свои дороги.

Он протянул ей узкую пластину без печати. На ней был один адрес: ремонтный колодец под восточной перемычкой, третий нижний ход. И имя — Тай.

— Вы хотите, чтобы я проверила затворы изнутри?

— Я хочу, чтобы вы увидели то, чего нет ни в одном ряду.

— А потом вернулась к вам с ещё одним результатом для `Р-7`?

— Вернётесь вы или нет, зависит от того, что увидите.

Иара не взяла пластину.

— Зачем вам это?

— Потому что выключить затворы сейчас — значит утопить города. Оставить их как есть — значит медленно закрыть риф. Мне нужен третий путь, а Палата умеет считать только то, чем уже управляет.

— Поэтому вы прячете расчёт от самой Палаты?

— Поэтому я прячу Палату от её расчёта.

Севран положил пластину на каменный выступ и ушёл к лестнице. Надзорная проводила его взглядом, но не приблизилась к адресу.

Иара подождала, пока шаги стихнут. Потом перевернула пластину. На обратной стороне не было ни знака, ни разрешения, ни обещания безопасного возвращения.

Только царапина в форме разветвлённой гряды.

Она оставила пластину на месте и запомнила адрес.

Наверху город уже терял сушу. Где-то за стенами Палаты Мейра получала вопрос о серебряной рыбе, Лес выбирал наблюдателя для колодцев, а семь младших картографов решали задачи, не зная, что складывают запретный прогноз.

Полного доказательства не было ни у кого, и именно поэтому его уже нельзя было уничтожить одним приказом.

Глава 6. Нырятьщик под дорогой

К ремонтному колодцу Иара пришла в тот час, когда восточная перемычка переставала быть улицей и ещё не становилась дном.

По каменным желобам уже бежали первые струи. Торговцы снимали навесы, тележки уводили колёса на верхние скобы, а ремонтники закрывали решётками входы в нижние ходы. Над каждым входом горел знак допуска. У третьего он был красным.

— Закрыто до малого отлива, — сказал привратник.

Он не посмотрел на неё, только вытянул ладонь к запястью. Почерневшая лента была заметнее любой печати.

Иара назвала имя Тая. Привратник наконец поднял глаза.

— Здесь такого нет.

За его спиной ударил колокол затвора. Вода в желобах на миг остановилась, словно передумала подниматься, затем пошла быстрее. Рабочие у соседнего колодца выругались и потащили решётку вдвоём.

Иара всмотрелась в свежую полосу рифовой извести у нижнего края стены: вода возвращалась не из хода, а через него.

— У вас обратная тяга после восточного удара, — сказала она. — Если закроете решётку сейчас, сорвёт нижнюю петлю.

— Вы картограф или ремонтник?

— Сегодня без разницы.

Привратник усмехнулся, но посмотрел на петлю. В щели уже дрожала мутная вода. Он позвал рабочего, велел придержать створку и наклонился к скобе. Этого Иара и ждала. Она шагнула за корзину с цепями, спустилась на площадку и нырнула в боковой проём прежде, чем сверху окликнули.

Вода быстро дошла до колен. Иара вынула световую раковину, но та мигнула и погасла: ленту допуска отключили вместе со служебным снаряжением.

— Удобная вещь, власть, — сказал из темноты мужской голос. — Даже раковины знает по имени.

Вспыхнул зелёный огонь. Ниже стоял худой человек в водном плаще, с тремя дыхательными мешками на шее. Босые ступни уверенно цеплялись за мокрый камень.

— Тай?

— Если вы принесли приказ, то нет.

— У меня нет допуска.

— Это я уже увидел.

Сверху раздались голоса. Привратник обнаружил исчезновение.

Тай погасил огонь, ухватил Иару за локоть и втянул в узкую нишу. Вода пахла железом и прелыми водорослями. Луч ручной лампы прошёл по лестнице, задержался в двух шагах от них и ушёл вверх.

— Кто дал адрес? — шёпотом спросил Тай.

— Севран Орн.

Пальцы на её локте разжались.

— Тогда уходите.

— Он сказал, вы покажете то, чего нет в расчётах.

— Он много чего говорит, когда хочет, чтобы чужими руками открыли его двери.

— Я пришла не для него.

— Все так приходят.

Тай зажёл раковину снова. Вблизи Иара увидела белые рубцы вдоль его челюсти и тёмную полосу на губах — след долгого дыхания из мешка. Он поднялся на две ступени, собираясь проводить её к выходу.

Снизу донёсся скрежет: что-то живое тёрлось о внутреннюю стену гряды.

Тай замер.

— Восточный затвор ударил раньше, — сказала Иара.

— На три минуты.

— Вы считаете минуты?

— Я считаю вдохи. Минуты придумали те, кто дышит воздухом.

Он посмотрел на поднимающуюся воду, затем снял с шеи один мешок и бросил ей.

— Если полезете, назад дороги может не быть до смены течения.

— Сколько?

— Не знаю. У меня нет вашего прогноза.

— У меня тоже.

Это, похоже, убедило его сильнее любого разрешения.

Нижний ход начался за круглой дверью без замка. Тай открыл её плечом. Вода хлынула внутрь, сбила Иару с ног и потащила по наклонному камню. Она успела вцепиться в канат. Тай не помогал — ждал, пока она сама найдёт опору.

— Здесь течение ещё слабое, — сказал он.

— Обнадёживает.

— Я не обнадёживаю. Я предупреждаю.

Он показал, как выпускать воздух из мешка короткими порциями. Иара вдохнула слишком резко, закашлялась и ударила плечом о стену.

— На карте высота хода четыре локтя, — сказала она, отдышавшись.

— На карте ход мёртвый. Литора нарастила поллоктя за два сезона. Ещё поллоктя срезают ремонтники. Остальное забрал затвор.

— Камень не может забрать высоту.

— Вода может принести дно.

За дверью коридор уходил под гряду. Над водой оставалась узкая щель. Каждые несколько шагов по стене пробегала мелкая дрожь.

Она знала её по приборам: колебание проводимости, одна из величин в первой части расчёта. Здесь колебание было в рёбра.

— Это Литора?

— Это она пытается открыть поры.

— В модели пористость меняется медленно.

— Медленно для кого?

Тай приложил ладонь к стене. Иара повторила. Сначала почувствовала только холод. Потом под каменной коркой прокатилось сокращение — широкое, согласованное, похожее на движение мышцы. Из невидимых отверстий выступили пузырьки. Они собрались вокруг пальцев, зашевелили кожу и ушли против течения.

— Она гонит воду на восток, — сказала Иара.

— Пытается. Идём.

Воздушная щель исчезла через двадцать шагов. Тай проверил застёжку её мешка, привязал их одним тонким шнуром и ушёл под воду.

Зелёная раковина на спине Тая освещала мутный круг. Иара тянулась от скобы к скобе. Течение сносило влево, хотя по карте канал отводил воду вправо, к морю.

Шнур натянулся. Тай остановился у решётки.

Она была не ремонтной. Толстые рёбра уходили прямо в живую известь, а между ними росли бледные ветви Литоры. Они не обвивали металл — они давили на него с восточной

стороны, пытаясь пройти сквозь щели. Концы ветвей были стёсаны до гладкости. При каждом ударе течения решётка срезала новый слой.

Тай провёл пальцем по нижней перекладине. Вверх поднялось облако красноватой пыли.

Иара достала мерную нить. Он перехватил её руку и покачал головой. Затем приложил её ладонь к одной из ветвей.

Ветвь дёрнулась не от течения. Толчок пришёл из глубины гряды и оборвался у металла. Ритм совпадал с дрожью стен, но здесь каждое сокращение заканчивалось изломом.

Иара считала машинально: семь слабых, один сильный. Не период часов — ответ на сопротивление.

Она показала Таю: дальше?

Он кивнул и вытащил из-под решётки короткий клин. Поток сразу усилился. Их протаскило в щель между рёбрами. Плечо Иары задело острый нарост; ткань распоролась, кожу обожгло солью. Она не выпустила мешок.

За решёткой течение шло сразу в двух направлениях: верхний слой тянул к затвору, нижний — от него. Карта хранила лишь средний перенос, удобную единственную стрелку.

Тай потянул вниз.

На дне лежал вал прозрачных молодых ветвей Литоры. Среди них белели круглые капсулы: одни раскрылись, выпустив серебристые нити, другие раздавил нанос.

Тай поднял одну целую капсулу, поднёс к свету и указал на крошечные реснички внутри. Затем на восточный проход. Нити должны были уходить туда вместе с нижним течением. Но железная заслонка в конце водовода была опущена почти до дна. Под ней оставалась щель в ладонь, забитая обломками.

Литора мигрировала не сплошным телом: рассылала молодые ветви и капсулы по нижним течениям. Затвор перекрывал не светлую дугу на поверхности, а перенос того, из чего она могла вырасти дальше.

В расчёте это называлось понижением связности.

Здесь это была груда мёртвых отростков у железной губы.

Тай потянул её выше, в карман воздуха под потолком. Оба вынырнули. Иара сорвала мешок и несколько секунд только дышала.

— Сколько таких мест? — спросила она.

— Под восточной дорогой пять. Под центральной больше. До южной я не дошёл.

— Почему нет записей?

— Есть ремонтные записи. «Обрастание решётки». «Засор молодым известняком». «Обратная тяга». Каждую неделю мы вырезаем то, что Палата велит считать грязью.

— Вы сообщали?

— Три года. Сначала мастеру, потом затворному кругу, потом человеку Севрана.

— И что ответили?

— Решётки поставлены, чтобы сохранять опоры. Без них молодая Литора входит в швы, расширяет дорогу и рушит перемычку.

— Это правда?

— Правда.

Удобной лжи не было. Если поднять заслонку, вода начнёт размывать основание зерновой дороги. Если оставить, Литора продолжит давить на гряду, пока не найдёт выход сразу и везде.

— Севран видел это?

— Стоял здесь, не нырял к заслонке. Забрал образцы. На следующий день приплыли новые.

Тай достал из складки плаща прозрачную капсулу. В ней медленно шевелились серебристые нити.

— Почему вы остались?

— Потому что кто-то должен вытаскивать их из решётки, пока они не забили воду совсем.

— Вы спасаете затвор, который их убивает.

— Я спасаю людей наверху от его поломки. А их — от людей наверху. Не всегда получается в один день.

Водовод содрогнулся, воздушный карман сжался. Тай посмотрел на метки у потолка.

— Сейчас восточный затвор начнёт удержание. Нам надо вернуться за решётку.

— Я хочу измерить щель.

— Хотите утонуть числом?

— Без числа Палата назовёт это засором.

— С числом назовёт допустимым засором.

— Тогда нужен повтор, который сможет сделать другой человек.

Тай помолчал, прислушиваясь не к ней, а к воде.

— Семь вдохов до удара, — сказал он. — Можете потратить их на спор.

Иара сняла мерную нить и обвязала ею капсулу.

— Покажите безопасное положение.

Они снова ушли под воду. Тай подвёл её к нише сбоку от заслонки и втиснул между двумя каменными рёбрами. Иара закрепила начало нити на старой ремонтной скобе, протянула через щель и дала течению вынести капсулу к востоку.

Первый удар затвора пришёл не звуком, а тяжестью. Вода прижала её к камню. Гряда задрожала. Все ветви Литоры одновременно выгнулись против потока.

Капсула прошла ладонь, две, три — и остановилась. Нить натянулась под заслонкой. Иара отметила длину ногтем.

Второй удар развернул нижнее течение. Капсулу швырнуло назад, но нить удержала её. Серебристые реснички внутри метались, пытаясь поймать исчезнувший поток.

Тай показал вверх: хватит.

Иара ждала третьего удара. По долгому расчёту восточный затвор работал тремя ступенями, и именно совместный режим создавал устойчивый коридор. Тай схватил её за плечо. Она оттолкнула его руку и прижала мерную нить к скобе.

Третий удар поднял со дна вал обломков.

Вода стала белой. Ничего не было видно. Ветка ударила Иару по лицу, другая обвилась вокруг запястья. Дыхательный мешок вырвало изо рта. Она поймала его, но горькая смесь ушла в воду. Лёгкие сжались.

Шнур между ней и Таем натянулся до боли. Он тащил к решётке. Иара отпустила мерную нить, нащупала его руку и двинулась следом сквозь облако извести.

Решётка не пропускала их. Ветка Литоры легла поперёк щели и выгнулась под напором. Тай резал её ножом, но лезвие скользило по упругой корке. Иара упёрлась ногами в перекладину, ухватила ветвь обеими руками и потянула вниз. Под ладонями бился тот же неровный ритм: семь слабых, один сильный.

Ветвь сломалась.

Из разрыва вырвалось тёплое облако. Тай протолкнул Иару в щель, пролез сам и сразу забил клин обратно. Поток ослаб. Он прижал запасной мешок к её лицу.

Первый вдох не вошёл. На третьем темнота отступила.

Когда они добрались до воздушной щели, Иара долго стояла на четвереньках, опустив лицо к воде. По поверхности плыли серебристые нити из разбитой капсулы.

— Теперь почувствовали? — спросил Тай.

— Что именно?

— Разницу между доказательством и возвращением.

Она села у стены. На ладони осталась белая царапина от сломанной ветви.

— Я оставила нить.

— Значит, ваше число осталось там, где ему не нужен воздух.

Под грядой вода соединяла то, что расчёт делил. Затвор, дорога, молодая Литора, довольствие города и мёртвые капсулы были одним действием, растянутым на годы. Ложью становилась граница между таблицами.

— Вы можете повторить опыт, — сказала она. — Закрепить нить на той же скобе, выпустить капсулу перед первым ударом и отметить три положения.

— Могу.

— И любой ныряльщик может.

— Если знает, какой клин вынуть. Если переживёт третью ступень. Если Палата не заварит дверь.

— Поэтому свидетельство надо вынести сейчас.

Тай рассмеялся без веселья.

— Кому? Регенту, который уже видел? Палате, которая получает мои записи? Людям на перемычке? Они разобьют затвор к вечеру, а к утру подмоет дорогу.

— Не образец. Способ проверки.

— Способ тоже может стать молотком.

— Тогда вместе с ним надо вынести цену. Что решётки защищают опоры. Что открыть всё сразу нельзя. Что канал должен дышать постепенно, а дорогу придётся менять.

— Вы уже придумали как?

— Нет.

— Тогда у вас предупреждение, а не решение.

— У нас девять лет до потери сети и меньше — до паники. Если спрятать предупреждение, решение будут искать только те, кто построил эту ловушку.

Тай поднял с воды серебристую нить. Она прилипла к его пальцу и медленно свернулась кольцом.

— Люди наверху не слышат воду, — сказал он.

— Научим повторять опыт.

— Вы говорите как Палата. Она тоже всех учит одной мере.

Иара посмотрела на почерневшую ленту.

— Тогда не одной. Ныряльщик отметит вдохи и тягу. Ремонтник — давление на решётку. Картограф — сдвиг окна. Поселение — глубину колодца. Ни у кого не будет права отменить остальных поправкой.

Тай присел рядом.

— А если меры не сойдутся?

— Значит, решение нельзя объявлять общим.

— Дорога одна. Вода одна. Иногда решать всё равно придётся.

— Да. Но цену назовут до решения, а не после похорон.

Сверху снова загремела решётка. Привратник открывал нижний ход для сброса обратной тяги. Тай убрал раковину под плащ.

— Сейчас нас увидят, — сказал он. — Я могу вывести вас через старый продух. Вы окажетесь за внешней стеной без свидетелей.

— А вы?

— Останусь тем, кого здесь нет.

Иара нащупала в кармане техническую квитанцию цикла 18-44. Единственный открытый клочок старого решения. Если уйти через продух, она сохранит свободу ещё на несколько часов. Сможет искать союзников, не объясняя, откуда взялось знание.

Именно так Палата сохраняла власть: каждый, увидевший часть целого, берёт доступ к следующей части.

— Нет, — сказала Иара. — Выйдем по лестнице.

— Вас задержат.

— Зато в журнале ремонта появится, что картограф без допуска вошла в третий ход во время восточного удержания. Ваши прежние записи перестанут быть отдельным засором.

— И моё имя появится рядом.

— Только если вы пойдёте.

Тай долго смотрел на неё. Потом снял с шеи последний полный дыхательный мешок и протянул ей.

— Это не согласие служить вашему делу.

— Хорошо.

— И не доказательство девяти лет.

— Это доказательство перекрытого канала. Остальное должны повторить независимо.

— Уже лучше.

Он не пошёл к старому проходу.

На лестнице их встретили трое ремонтников и тот же привратник. За ними стоял надзорный Палаты с серой лентой на рукаве. Он узнал Иару сразу.

— Ваш доступ прекращён.

— Поэтому я пришла как свидетель аварийного состояния.

— Вы незаконно проникли в закрытый ход.

— Запишите время проникновения. Три ступени восточного удержания. Обратное нижнее течение. Молодые капсулы Литоры задерживаются заслонкой и возвращаются к решётке.

Надзорный перевёл взгляд на Тая.

— Подтверждаете?

— Я подтверждаю только то, что видел сам, — ответил ныряльщик. — Капсула прошла под заслонкой на три ладони перед первой ступенью, остановилась и вернулась после второй. После третьей решётку забило молодым наростом.

— Измерение сохранилось?

Иара показала пустую руку.

— Нить осталась на старой скобе. Опыт воспроизводим до следующей очистки.

Привратник выругался. По правилам любое сообщение о предмете, оставленном у заслонки, требовало осмотра до запуска следующего полного цикла. Надзорный это тоже понял.

— Нижний ход опечатать, — приказал он. — Всех присутствующих — на разбор.

— Сначала журнал, — сказала Иара.

— Вы не в положении требовать.

— Тогда не записывайте. Пятеро людей слышали ваше решение оставить предмет у затвора без осмотра.

Ремонтники переглянулись. Один уже держал дощечку журнала.

Надзорный продиктовал время, номер хода и основание закрытия. Когда дошёл до причины, попытался сказать «постороннее проникновение».

— И аварийное наблюдение, — добавил привратник. — Иначе мастеру отвечать за петлю.

В журнал вошли оба основания.

Иара прижала неработающую чёрную ленту к мягкой соли. Остался прямоугольный след без номера.

Тай начертил рядом три короткие черты и одну длинную: дыхательная запись ступеней затвора.

Надзорный велел им подняться.

На поверхности перемычка уже скрылась под водой. По мосту шли люди, не глядя вниз. Под ними затвор возвращал молодые ветви Литоры в закрытый канал, а дорога оставалась целой ещё один прилив.

Иара знала: Палата назовёт опыт нарушением. Но журнал связал три ступени удержания с тем, что можно увидеть руками. Опыт требовалось либо повторить, либо уничтожить до проверки.

Оба действия оставляли след.

Глава 7. Суд короткого часа

Комната разбора висела над восточной перемышкой. Сквозь решётчатый пол вода заполняла нижний ярус. До прилива оставалось меньше часа: решение требовалось вынести прежде, чем нижние двери примет давление.

У стены стояли шестеро задержанных — Иара, Тай, трое ремонтников и привратник. Надзорный с серой лентой занял место у мерной доски. Писец перевернул песочные часы.

— Старший картограф особых циклов Иара Вей, — произнёс надзорный. — Допуск прекращён. Обвинение: проникновение в опечатанный ход, вмешательство в затворный узел, оставление предмета у заслонки.

— Последнее не обвинение, — сказала Иара. — Это основание для осмотра.

— Здесь вопросы задаю я.

— Тогда спросите, почему осмотр не начался три года назад.

Писец поднял голову. Надзорный подождал, пока верхняя половина часов потеряет ещё несколько крупинок.

Тай подтвердил опыт, внесённый в журнал: заслонку не ломали, положение клиньев восстановили. Иара предъявила назначение регента, которое ещё существовало в реестре, хотя её доступ уже был погашен.

— Мы установили физическую причину расхождения, — сказала она. — Молодые капсулы Литоры задерживаются заслонкой. Повторяемый опыт записан. Мерная нить оставлена на месте.

— Нить будет изъята.

— После независимого повторения.

— После решения надзора.

— Тогда решение будет о нити, а не о воде.

Надзорный приказал принести ремонтный журнал. Дощечку положили на стол, ещё влажную по краям. В ней стояли время входа, три ступени удержания, обратная тяга и засор молодым известняком. Рядом — четыре черты Тая и прямоугольный след ленты Иары.

— Кто внёс основание «аварийное наблюдение»? — спросил надзорный.

Привратник поднял руку.

— Почему?

— Потому что мастер отвечает за ход, если сообщение о предмете у заслонки не записано до нового цикла.

— Вас принудили?

— Меня принудило правило, которое вы сами повесили у двери.

Один из ремонтников кашлянул, скрывая смехок. Надзорный велел писцу отметить неуместное поведение, но писец спросил, чьё именно. Несколько мгновений ушло на уточнение. Иара наблюдала, как короткий час тратит себя на защиту формы.

— Физическое наблюдение не доказывает общего воздействия затворов, — сказал надзорный. — Оно относится к одной заслонке.

— Поэтому я не предлагаю общего вывода, — ответила Иара. — Я предлагаю карту проверок.

Она попросила чистую соляную пластину. Надзорный отказал. Тогда привратник подвинул к ней обратную сторону журнала.

— Это служебный носитель, — предупредил писец.

— Тем лучше.

Иара провела ногтем линию восточной перемычки. Отметила три ступени, нижний обменный поток и место, где осталась нить. Затем добавила ещё четыре точки вдоль столицы — не точные входы, а номера ремонтных колодцев из открытого перечня.

— Пять мест, о которых Тай сообщал по цепочке. В каждом журналы содержат одинаковую пару: обрастание перед решёткой и обратную тягу после второй ступени. Проверить можно без закрытых расчётов. Один ныряльщик выпускает известковую капсулу. Другой отмечает возврат. Ремонтник фиксирует давление. Картограф сравнивает сдвиг окна. Поселение у выходного колодца измеряет глубину воды. Ни одна мера не принадлежит одному ведомству.

— Вы хотите разнести неподтверждённую схему по городу.

— Я хочу, чтобы город мог подтвердить или отвергнуть её.

Удалить свидетелей означало нарушить процедуру, оставить — дать карте шесть пар глаз. Надзорный выбрал второе.

— Покажите связь с приоритетами, — сказал он.

Иара достала из внутреннего шва не карту долгого расчёта и не закрытые приложения, а маленький лист, который приготовила ещё в архиве. На нём были только открытые решения: номера циклов, заявленные грузы, подтверждённые окна и позднейшие поправки. Рядом она положила квитанцию цикла 18-44.

— Вот Вейская коса. Подтверждённое окно сокращено. Тридцать две платформы столичного зерна проходят раньше. Вот западное ребро два года спустя. Вот северный канал прошлой осенью. Каждый раз малое поселение теряет выход после поправки устойчивости, которой нет в открытом заключении. А внизу молодая Литора упирается в заслонку именно тогда, когда дорогу удерживают ради назначенного груза.

— Вы раскрываете закрытый принцип расчёта.

— Нет. Я показываю последствия открытых решений. Принцип вы закрыли сами.

— Совпадение не устанавливает причинность.

— Поэтому на карте не написано «виновен». На ней написано «проверь».

Тай поднялся и подошёл к журналу.

— Добавьте время дыхания, — сказал он. — Если капсула возвращается после второй ступени, ныряльщик успевает увидеть её дважды. Если после третьей — решётку забивает раньше, чем он выйдет. Это не картографическая мера.

Первый ремонтник добавил отметку давления. Привратник — время запираения нижней двери. Писец смотрел на надзорного, ожидая запрета. Тот молчал, и на обратной стороне служебного журнала возникла карта, которую нельзя было уничтожить как личную запись Иары: каждую линию вносил отдельный свидетель в пределах своей обязанности.

Второй колокол прозвучал раньше, чем она ожидала. За окнами на опорах города зажглись медные сигналы продовольственного прохода. По восточной дороге должны были пройти телеги с мукой, сушёной рыбой и цистернами для верхних ярусов. Ради них перемычку удерживали дольше естественного окна.

Снизу донёсся глухой удар. Потом второй.

Один из ремонтников наклонился к решётке.

— Обратная тяга усилилась.

Надзорный приказал закрыть створки пола.

В этот момент на лестнице закричали. Дверь разбора распахнулась, и внутрь ворвался дорожный распорядитель, мокрый до пояса. На его груди болталась красная дощечка несогласованной остановки.

— Западный сход перекрыт людьми с Прибрежных ступеней, — выговорил он. — Они не пропускают зерновые платформы, пока им не покажут таблицу окон. Передние возницы остановились. Задние уже вошли на гряде.

— Кто отдал приказ? — спросил надзорный.

— Никто. У них копия карты.

Комната замолчала.

Иара почувствовала не торжество, а холод. Она рассчитывала вынести одну проверяемую карту из разбора — не закрытый долгий расчёт, а связь открытых решений с физическим наблюдением. Кто-то опередил её.

— Какую копию? — спросила она.

Распорядитель протянул мокрый лист. На нём грубо повторялись номера циклов и направления грузов. Семи скрытых поправок не было. Зато возле каждого поселения стояло количество потерянных часов, а наверху — знак раскрытой ладони, которым на временной суше обозначали право первого шага.

Это была не её карта. Но она выросла из тех же разрозненных поручений, которые Иара отправила после долгого расчёта: Мейре, Кадору, Вейской косе, Ялу, учебным кругам. Каждый получил лишь вопрос. Ответы встретились без неё.

— Откуда лист? — спросил надзорный.

— Его передавали с телеги на телегу. Говорят, началось у северных водоносов.

— Остановку снять. Зачинщиков задержать.

— Если сдвинуть передние телеги сейчас, ось первой платформы уйдёт в мягкий шов, — сказал распорядитель. — Дорога не выдержит одновременного трогания.

— Тогда выводить по одной.

— По одной не успеем до воды.

Надзорный повернулся к Иаре.

— Вот цена вашей проверки.

— Нет. Это цена дороги, рассчитанной без права людей знать, кого она оставляет на дне.

— Город останется без пищи.

— Если вы сейчас пошлёте стражу и начнётся давка, он останется ещё и без телег.

В окно было видно, как вдоль гряды зажигаются ручные огни. Красные — остановка, белые — требование открыть проход, синие — вода близко. Сигналы противоречили друг другу. Дорога, на которой вся власть Палаты сводилась к единой команде, перестала слышать один голос.

Иара попросила у распорядителя длину колонны, состояние швов и остаток сухого времени. Тот назвал числа. Писец по привычке записал. Тай подошёл к окну и посмотрел вниз на пену возле опор.

— Восточный затвор держит третью ступень, — сказал он. — Если снять одну, вода возьмёт нижнюю полку, но давление на западный шов уменьшится.

— И молодая Литора пойдёт через решётку, — заметил ремонтник.

— Часть пойдёт. Часть останется. Нужен человек в нижнем ходе.

— Ход опечатан, — сказал надзорный.

Привратник посмотрел на него почти с жалостью.

— Тогда выбирайте, что важнее опечатать: ход или город.

Надзорный подошёл к окну. Снаружи уже слышался многоголосый гул. Поселения не штурмовали телеги; люди сидели поперёк дороги, связав рукава верёвкой. Стража не могла поднять их по одному, не разорвав цепь и не столкнув кого-нибудь с узкой гряды.

— Что вы предлагаете? — спросил он Иару.

Это был вопрос, которого она добивалась, и ответ, которого у неё не было. Внизу находилась одна проверенная заслонка. Наверху — колонна, слишком длинная для оставшегося окна. Любая команда распределяла риск.

Иара посмотрела на карту на обороте журнала.

— Я предлагаю назвать цену до команды. Снять первую ступень удержания. Вывести шесть передних платформ на твёрдый участок. Освободившееся место отдать цистернам и

двум телегам муки для Прибрежных ступеней. Остальную колонну не трогать, пока поселения сами не разомкнут цепь. Тай и один ремонтник контролируют решётку. Распорядитель объявляет вслух, сколько груза останется за водой.

— Вы предлагаете бросить большую часть продовольствия.

— Я предлагаю не обещать спасти то, что уже нельзя спасти. Если люди увидят порядок и цену, они могут уступить раньше.

— А если нет?

— Тогда решение не было общим.

Надзорный сжал серую ленту на рукаве.

— У меня нет полномочий менять продовольственный проход по требованию толпы.

— У вас есть полномочия по аварийному состоянию затвора, — сказал привратник. —

Вы только что приняли журнал.

Писец подтвердил: до осмотра предмета и решётки нижний узел считался аварийным. Надзорный мог менять ступени удержания ради сохранности опор. Правило, которым он собирался удержать Иару, стало единственным способом изменить дорогу законно.

Он приказал снять первую ступень.

Комната ожила. Распорядитель побежал к сигнальному балкону. Тай и ремонтник потребовали вернуть их в нижний ход. Привратник получил право открыть печать. Писец переписывал распоряжение в трёх экземплярах, пока Иара считала, как изменится мягкий шов.

— Вы останетесь здесь, — сказал ей надзорный.

— Мне нужно видеть гряды.

— Вы уже достаточно вынесли наружу.

— Тогда дайте окно.

Он позволил ей подняться на балкон под охраной.

Зерновые платформы стояли от города до самого изгиба. Перед ними сидели люди Прибрежных ступеней, Водяного двора и двух кочующих кос. Кто-то держал над головой грубую копию карты.

Распорядитель поднял голосовой рог.

— Первая ступень восточного удержания снимается! Шесть передних платформ проходят! Две цистерны и две мучные телеги передаются Прибрежным ступеням! За водой останутся двадцать четыре зерновые платформы и пять телег сушёной рыбы!

Толпа загудела. Число оставленного впервые прозвучало до того, как его поглотит прилив.

— Почему им? — крикнули с Водяного двора.

— Потому что они стоят первыми? — ответил кто-то.

— Потому что у них пустые колодцы!

— У нас сорван мост!

Иара взяла у распорядителя рог.

— Две цистерны делятся по глубине колодцев, измеренной сегодня, — сказала она. — Муку получают те, чьи выходы сокращены этим проходом. Если меры не сходятся, груз остаётся на дороге и решение отменяется.

— Кто будет мерить? — донеслось снизу.

— Вы. По одному человеку от каждого поселения. Писец запишет меры до открытия цепи.

Надзорный резко обернулся к ней.

— Вы не уполномочены обещать.

— Я не обещала результат. Я назвала условие.

Внизу люди уже выбирали мерщиков. Связанная рукавами цепь разомкнулась в четырёх местах. Представители поселений кричали глубину колодцев и показывали отметины на шестах. У Прибрежных ступеней воды оказалось меньше половины объявленного запаса.

Шесть платформ тронулись. Их колёса стонали на влажном камне. После каждой распорядитель ждал сигнала с опор. Когда прошла четвёртая, весь мост качнулся. Люди замолчали. Из нижнего окна поднялся белый огонь: Тай снял первую ступень.

Вода под грядой изменила голос. Вместо ударов о заслонку послышался протяжный шум. У дальней опоры всплыло облако известковых капсул и потянулось на юг, туда, куда указывала песня Мейры.

— Видите? — прошептал ремонтник на балконе.

Иара видела. Но сейчас доказательство могло стоять жизни людям на дороге.

Шестая платформа застряла перед толпой: возница отказался отцепить две мучные телеги.

— Груз столичный! — кричал возница. — За недостачу снимут кожу!

Люди снова сомкнулись. Вода уже лизнула край нижней полки.

Надзорный взял рог.

— Недостача принята на ответственность восточного надзора. Отцепить телеги.

Возница подчинился. Впервые человек с серой лентой записал цену не на безымянное поселение, а на своё ведомство.

Цепь раскрылась. Следом протащили цистерны и муку. Никто не назвал это победой. За изгибом оставались двадцать четыре платформы, и прилив уже обнимал их колёса.

— Остальные можно спасти через северный сход, — сказал распорядитель.

— Он не подтверждён, — ответила Иара.

— Но на вашей карте есть окно.

Она посмотрела на мокрый лист с раскрытой ладонью. Вот как способ проверки становился молотком: один знак, одно ожидаемое число, и люди уже хотели вести по нему караван.

— Это не карта для движения, — сказала она в рог. — Северный сход не проверен. Ни одной телеги туда.

По дороге прокатился возмущённый крик. Она не стала спорить.

— Повторяю: лист показывает несправедливые приоритеты. Он не доказывает прочность гряды. Кто поведёт груз по непроверенному сходу, снова скроет цену — только под другим знаком.

Люди у поворота уже пытались развернуть первую из оставленных платформ. Представители двух кос встали перед упряжью. Началась драка без ударов: хватали за ремни, толкали плечами, тянули оглобли в разные стороны. Иара велела распорядителю поднять синий огонь. Вода близко. Этот сигнал знали все, даже те, кто не признавал Палату.

Тай появился у нижнего выхода, шатаясь, с белой слизью Литоры на руках. Он поднял над головой мерную нить. Течение протащило её дальше прежней отметки на длину предплечья.

— Канал дышит! — крикнул он. — Но решётка держит! Вторую ступень не снимать!

Его услышали на дороге. Люди отпустили упряжь. Если даже ныряльщик, три года требовавший открыть канал, отказывался снять следующую ступень без меры, непроверенный северный сход переставал выглядеть спасением.

Возницы поднялись на спасательные настилы. Прилив накрыл двадцать четыре платформы. Мешки лопались, зерно выходило в воду золотыми облаками. Город смотрел, как исчезает его продовольствие, и впервые знал число до потери.

Надзорный опустил рог.

— К вечеру начнутся перебои, — сказал он.

— Они начались раньше, — ответила Иара. — Просто не в городе.

Короткий час истёк, но решение о задержанных не вынесли. Писец зачитал временную запись: нижний ход открыть для независимого осмотра; опыт повторить у пяти узлов; карту копировать без координат входа; лист с приоритетами считать перечнем вопросов; Иару и Тая оставить под надзором.

— А обвинение? — спросила Иара.

— Не снято, — сказал надзорный. — Но если я закрою вас сейчас, этот лист поведёт людей без вас.

— Люди уже обошлись без меня.

— Именно это меня и пугает.

Снаружи представители поселений переписывали меры колодцев рядом с потерями груза. Они спорили о долях цистерн и порядке следующего прохода. Ни Палата, ни Иара не могли отменить их запись одной поправкой.

Тай положил мерную нить на стол. Теперь на ней было две отметки: старая, сделанная под дорогой, и новая, после снятия первой ступени.

— Одна заслонка, — сказал он. — Одна проверка.

— И один город без ужина, — ответил надзорный.

Из коридора прибежал посыльный. Он не стал ждать разрешения и протянул писцу пластину продовольственной палаты. На ней перечислялись закрытые склады, дневной расход и остаток зерна. Писец прочёл дважды, словно второе чтение могло изменить сумму.

— После потери колонны, — сказал он, — столица переходит на четвертную выдачу. Нижним ярусам запасов хватит на три дня.

За окнами вода скрыла дорогу. На настилах люди прижимали к груди копии карты.

Город оставался без пищи.

Глава 8. Империя отвечает

Четвертную выдачу начали до того, как вода сошла с утонувших платформ.

На нижних ярусах столицы распахнули решётчатые окна складов. Обычно через них принимали пустые мешки и выдавали полные, не смешивая встречные потоки. Теперь к каждому окну тянулась одна очередь, и люди приносили всё, во что можно было насыпать муку: соляные коробки, свёрнутые паруса, детские водонепроницаемые накидки. Над проходами висели медные круги продовольственной палаты. На каждом мелом было написано одно и то же число — четверть.

Иару вели по верхнему настилу под надзором двух служителей Палаты часов. Тай шёл рядом без наручной ленты, но между ними держали расстояние в один шаг. Снизу их узнавали. Кто-то показывал раскрытую ладонь — знак права первого шага. Кто-то поднимал пустой мешок. Одна женщина бросила в опору горсть мокрого зерна. Зёрна прилипли к меди и медленно сползли вниз.

У архивного подъёмника из закрытых чанов пахло тиной и кислым тестом: поднятое из моря зерно годилось лишь для кормовых садков. Подъёмник ждал у старой башни приливных записей. В ученические годы Иаре показывали только верхние залы; о запертых нижних учителя говорили, что там хранится не знание, а его цена.

Теперь у дверей стоял Севран Орн.

Регент был без церемониальной накидки. За его плечом Нера Соль держала архивную коробку и встретила Иару без приветствия.

— Нижним ярусам объявили три дня, — сказала Иара вместо приветствия. — Верхним сколько?

— Пять при полном запасе, семь при той же выдаче, — ответил Севран. — С рассвета у всех одна норма.

— После того как люди увидели разницу.

— После того как разница стала угрозой порядку, — сказал Тай.

Севран не стал спорить.

— И это тоже. Я не собираюсь изображать бескорыстие там, где решение принято под давлением. Но норма теперь одна.

Он приложил ладонь к замку. Нера вставила в щель длинную костяную пластину, служитель архива повернул два ключа с разных сторон. Дверь открылась не внутрь, а ушла вниз, выпустив холодный воздух.

— Вы хотели открыть расчёты, — сказал Севран. — Начнём с тех, которые удобнее всего забыть.

Лестница спускалась ниже обычного прилива. На площадках стояли отметки воды и годы: после введения первых затворов линии стали ниже, затем снова поползли вверх.

В нижнем хранилище не было карт. Стеллажи занимали деревянные ящики с именами поселений. На крышках — годы и числа погибших. Не расчётные пределы, не доли риска, а окончательные записи после разбора.

Нера поставила принесённую коробку на стол.

— Архив жертв первых свободных маршрутов, — сказала она. — Пятнадцать лет между распадом Старой пристани и единым затворным расписанием. Доступ закрыли через два года после учреждения Палаты часов. Причина закрытия: записи использовали для оправдания любых последующих приоритетов без разбора различий.

— Значит, вы знали, что архивом злоупотребляют, — сказала Иара.

— Архив знает только, кто запрашивал коробку и что вынес в решение. Я знала следы.

Севран открыл первый ящик. Внутри лежали не списки, а связки маленьких дощечек. Каждая была размером с ладонь и покрыта насечками.

— После падения Старой пристани затворы отключили, — сказал он. — Не все сразу. Каждый город решил, что больше не будет отдавать своё окно соседям. За два цикла исчезло общее расписание. На третий цикл пять продовольственных колонн получили пять разных подтверждений одной гряды.

Он выложил на стол пять дощечек. На каждой был знак законного разрешения. Время отличалось на минуты.

— Южная колонна вошла первой, — продолжил Севран. — Северная не уступила, потому что везла лекарственную соль. Две остановились. Одна свернула на молодую Литору. Люди на дороге выжили. В городе Ойран через девять дней начался голод.

— Сколько погибло? — спросил Тай.

— Сто восемьдесят три подтверждённых. Ещё сорок один человек ушёл с города до следующего окна и не числится ни среди живых, ни среди мёртвых.

Иара взяла одну дощечку. На обороте были имена распорядителей. Пять разных печатей. Ни одной имперской.

— Это доказывает, что несогласованные маршруты убивают, — сказала она. — Не то, что Палата имеет право скрывать выбор.

— Я ещё ничего не доказывал.

Другие ящики повторяли цену разобщённых решений: Ровные Мачты вернули рыбе проход, но лишили нижнее поселение двух колодцев; город, удержавший окно после потери своего каравана, отрезал четыре косы от зимнего берега. Однако Нера извлекла и запись Перемычки Семи Спин, где местные наблюдатели отменили ошибочный приказ центра, спасли одиннадцать платформ и шестьдесят два человека.

— Архив не обязан поддерживать речь регента, — сказала она.

— Не обязан, — согласился Севран. — Иначе этот разговор ничего не стоит.

— Сколько всего? — спросила она.

Нера назвала число подтверждённых смертей за пятнадцать лет, исчезнувших поселений и спорных случаев. Вместо одного великого бедствия, о котором учили в Палате, здесь лежали сотни решений, разумных у своего берега и слепых к чужой воде.

— Почему архив закрыли? — повторила Иара.

— Потому что после учреждения Палаты любой спор заканчивали этими ящиками, — сказала Нера. — Просил город открыть местный прогноз — ему показывали Ойран. Просила коса независимый затворный ключ — ей читали Ровные Мачты. Данные перестали различать решения. Их превратили в одну фразу: без центра вы погибнете.

— А разве это неправда? — спросил Севран.

Нера посмотрела на него.

— Это вывод. Архив хранит наблюдение.

Верхний колокол пробил смену выдачи. Сквозь толщу башни звук пришёл слабым, но Иара представила, как у складских окон меняют счётчиков. Три дня. Двадцать четыре платформы под водой. Женщина, бросившая зерно в опору.

— Вы привели нас сюда не ради истории, — сказала Иара. — Что происходит у затворов?

Севран развернул на столе свежую карту. В ней не было семи скрытых поправок долгого расчёта, но стояли текущие уровни запасов, окна доставки и сигналы остановок.

После восточной дороги шесть поселений отказались пропускать назначенные грузы без открытых приоритетов. Два совета без осмотра повторили опыт Тая; у одного вода прошла спокойно, у другого затопила склад и сократила запас города на день.

— Я объявил вашу карту причиной продовольственного срыва, — сказал Севран.

Тай шагнул к нему, и сопровождающие одновременно положили руки на рукояти сигнальных тростей.

— Карту остановок составляла не она.

— В объявлении сказано: незаконное распространение неполных карт, начатое действиями старшего картографа Иары Вей. Это точнее, чем большинство моих предшественников сочли бы необходимым.

— И удобнее, чем сказать, что колонна была слишком длинной для оставшегося окна, — ответила Иара.

— Колонна имела подтверждённый проход, пока люди не сели на дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.